

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ГАРРИ ГАРРИСОН

СПАСАТЕЛЬНАЯ ШЛЮПКА

ЧУМА ИЗ КОСМОСА



Фантастика: классика и современность

Гарри Гаррисон

Спасательная шлюпка.

Чума из космоса

«Издательство АСТ»

1965, 1976

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Гаррисон Г.

Спасательная шлюпка. Чума из космоса / Г. Гаррисон —
«Издательство АСТ», 1965, 1976 — (Фантастика: классика и
современность)

ISBN 978-5-17-144997-1

Гарри Гаррисон (1925–2012) – американский писатель-фантаст, художник, иллюстратор. Популярность пришла к нему с первых же романов, позже развернувшихся в циклы: «Неукротимая планета» (1960) и «Крыса из нержавеющей стали» (1961). Сотрудничал со многими известными художниками, писателями, популяризаторами науки, например, с Уолли Вудом, Джимом Барнсом, Гордоном Диксоном, Робертом Шекли, Марвином Минским. «Спасательная шлюпка». Межзвездный лайнер альбенаретцев терпит бедствие. Горстка выживших заперта в спасательной шлюпке. Надежда на спасение призрачна, к тому же в тесном пространстве приходится сосуществовать людям и инопланетянам, и у каждого свои представления о том, что делать в кризисной ситуации. «Чума из космоса». Исследовательский космический корабль, вернувшийся с Юпитера, привез на Землю смертельную болезнь, от которой, кажется, нет спасения. Анархия, паника, отчаяние населения, глупость и продажность политиков – кризисные события нарастают как снежный ком. Лишь немногие смельчаки встанут на защиту человечества... В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-144997-1

© Гаррисон Г., 1965, 1976

© Издательство АСТ, 1965, 1976

Содержание

Спасательная шлюпка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	50

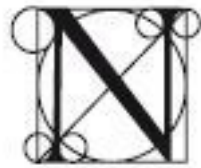
Гарри Гаррисон

Спасательная шлюпка. Чума из космоса

Harry Harrison
The Lifeship Plague from Space

Перевод с английского
О. Колесникова («Спасательная шлюпка»)
Г. Корчагина («Чума из космоса»)

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).



© Harry Harrison, 1965, 1976
© Перевод. О. Колесников, 2021
© Перевод. Г. Корчагин, 2021
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Спасательная шлюпка

1

Взрыв, от которого весь корпус альбенаретского звездолета вздрогнул и загудел, случился как раз тогда, когда Джайлс подошел к лестнице, ведущей из багажного отделения наверх, в зону пассажиров. Джайлс вцепился в перильный поручень этой винтовой лестницы, состоявшей из обычных горизонтальных перекладин, но за первым ударом вдруг последовал второй, оторвавший его от поручня и швырнувший на противоположную стену коридора.

Еще не совсем очухавшись, он с трудом поднялся на ноги и заставил себя начать подниматься по лестнице, действуя все быстрее. В голове постепенно прояснялось. Он решил, что пребывал без сознания не более нескольких секунд. Поднявшись, постарался поскорее выбраться в один из главных коридоров, ведущий на корму и в его личную каюту. Но в этом широком проходе оказалась масса препятствий в виде перепуганных низкорослых мужчин и женщин в серой одежде – представителей сословия трудяг, направляющихся на Белбен; и поверх всего этого вдруг зазвучал и продолжил затем выть беспрестанно громкий сигнал сирены, означавший, что корабль потерял управление. В воздухе коридора уже чувствовался едкий привкус дыма, и трудяги, попадавшиеся Джайлсу по пути, зывали к нему о помощи.

Происходило невероятное. Огромный звездолет под их ногами и вокруг них от двух взрывов оказался охвачен пламенем и теперь стал беспомощной, эфемерной звездочкой, падающей в бездонные глубины космоса. Считалось, что на звездолетах, особенно таких огромных, как альбенаретские, пожар невозможен – но этот горел.

Джайлса охватил легкий озноб, потому что воздух вокруг него становился все теплее и коридор заволакивало дымом, а испуганные выкрики трудяг терзали его сознание, как острые зазубренные сосульки.

Он поборол в себе реакцию на вопли окружавших его испуганных человеческих существ, отгородившись от них яростью. У него есть дело, долг, который нужно исполнить. Прежде всего это, все остальное потом. Трудяги на борту корабля – не под его ответственностью. Он перешел на бег, уворачиваясь от тянущихся к нему рук, смутно различимых сквозь дым, отводя их со своего пути и перескакивая иногда через упавших, которых нельзя было обойти.

В глубине его хладнокровной сущности все это время разгоралась ярость. Он прибавил скорости. Ярость разгоралась в нем, окутывая сознание и подгоняя тело вперед. Теперь в коридоре изредка попадались обломки оборудования, кое-где стенные панели, видневшиеся сквозь дым, расплзались и оседали, словно листы тающего воска. Ничего подобного не должно было случиться. Для такой глобальной катастрофы не могло быть причин. Но сейчас не было времени разбираться, что пошло не так. Стоны и выкрики пассажиров-трудяг продолжали терзать его сознание, но он неистово рвался вперед.

Внезапно в дыму перед ним проступила темная и более узкая, чем любой из людей, фигура. Длинная, невероятно костлявая рука с тремя пальцами ухватила его за ярко-оранжевый комбинезон космического путешественника.

– На спасательную шлюпку! – прогудел альбенаретец, передавая человеческие слова странным жужжанием. – Развернуться. Идти к носу! Не к корме!

Джайлс подавил инстинктивный позыв сдернуть вцепившуюся руку. Хоть он был крупным и сильным, сильнее любого из трудяг, кроме лишь тех, кто воспитан и обучен для сильной физической нагрузки, но знал, что лучше не пытаться вырваться из этих хрупких с виду пальцев.

– Прошу меня извинить! – прокричал он чужаку первые пришедшие в голову слова из тех, что способен воспринять разум альбенаретца. – Обязанность... у меня есть долг! Я *Стальной* – Джайлс Стальной Эшед, магнат! Единственный здесь из магнатов! Может, вы меня помните?

Несколько мгновений он и чужак оставались неподвижными. Безгубое темное узкое лицо уставилось на него с расстояния в несколько дюймов. Затем пальцы разжались, и чужак издал сухой кашляющий смешок, который мог означать что угодно, но только не веселье.

– Идите! – сказал представитель экипажа. Джайлс повернулся и поспешил прочь, переходя на бег.

Совсем скоро он оказался у двери своей каюты. Металлическая ручка обожгла ему пальцы, он отпустил ее и с силой пнул дверь ногой, отчего та распахнулась. От едкого густого дыма в каюте у него тут же запершило горло.

Джайлс ошупью нашел свою дорожную сумку, рывком открыл ее и достал металлическую коробку. Закашлявшись, набрал нужные цифры, замок шелкнул и крышка открылась. Джайлс торопливо перебрал кучку бумаг, лежавших внутри, пока не нашел ордер на экстрадицию, запихнул его в карман комбинезона и снова сунул руку в коробку, чтобы нажать на кнопку механизма самоуничтожения, испепеляющего коробку со всем ее содержимым. Полыхнула белая вспышка, и металл коробки растаял, как лед. Он повернулся к выходу, но после некоторого колебания вынул из кармана комбинезона инструменты. Предполагалось, что он спрячет их получше после завершения работы, но теперь прятать что-либо стало бессмысленным. Надрываясь от кашля, он кинул инструменты в жар еще пылающей коробки, выбежал в коридор, где воздух был почище, и устремился, наконец, в сторону носа звездолета, к конкретной спасательной шлюпке, на которую ему следовало прибыть в случае чрезвычайной ситуации.

Альбенаретца на прежнем месте не оказалось. Освещаемый потолочным светом коридор был затянут дымом, но трудяг в нем теперь не было. В Джайлсе вспыхнул огонек надежды: должно быть, кто-то уже позаботился о них. Он бежал не останавливаясь. Спасательная шлюпка уже где-то неподалеку. Впереди послышались голоса, а затем что-то большое и темное возникло перед ним словно ниоткуда, а еще что-то, похожее на гигантскую мухобойку, сбило его с ног.

Он на миг утратил координацию движения, но тут же пришел в себя и упал на мягкий пол коридора. В голове прояснилось, и еще секунду он просто лежал, стараясь не потерять сознание. Здесь, внизу, дым был реже, и он понял, что налетел на дверь, оставленную кем-то открытой. Послышались голоса трудяг – один принадлежал мужчине, другой молодой девушке.

– Ты же слышала? Корабль разваливается, – сказал мужчина.

– Тогда нет никакого смысла ждать сейчас здесь. До спасательной шлюпки нам надо совсем немного пройти по коридору. Пойдемте.

– Нет, Мара. Подожди... Нам следует подождать...

Голос мужчины стих.

– Чего вы боитесь, Грос? – В голосе девушки зазвучали нотки раздражения. – Ведете себя так, будто и дышать не смеете без разрешения?! Вы хотите остаться здесь и задохнуться?

– Тебе-то что... – пробормотал мужчина. – А я никогда ни в чем не был замешан. Мой послужной список безупречен.

– Если вы думаете, что это имеет какое-то значение...

В голове у Джайлса наконец полностью прояснилось. Он быстрым движением вскочил на ноги, обошел открытую дверь и присоединился к двум невысоким фигурам в серых одеждах.

– Отлично, – сказал он. – Ты права, девочка. Спасательная шлюпка чуть дальше по коридору, почти рядом. Ты... как тебя там? Грос? Веди!

Трудяга молча повернулся и двинулся по коридору, автоматически подчиняясь командному тону наследственного магната, которому повиновался всю жизнь. Это был коренастый круглоголовый мужчина средних лет. Джайлс мельком взглянул на девушку – невысокая, как и все из низших классов, но для трудяги вполне симпатичная. Бледное лицо, обрамленное коротко остриженными светло-каштановыми волосами, было спокойным, без тени испуга.

– Ты славная девушка, – сказал Джайлс чуть помягче. – Теперь следуй за мной. Хватайся за мой комбинезон, если дым станет слишком густым.

Он погладил ее по голове, прежде чем двинуться впереди нее, и, всматриваясь в другую сторону, не заметил внезапной вспышки негодования и гнева, искажившей ее лицо при прикосновении его руки. Впрочем, эта реакция была мгновенной и тотчас же сошла на нет. Девушка последовала за ним с обычным невозмутимым спокойствием, присущим трудягам.

Джайлс потянулся вперед и положил руку на правое плечо Гроса. Тот вздрогнул.

– Веди же! – рявкнул Джайлс. – От тебя требуется только выполнить приказ. Живее!

– Слушаюсь, ваша светлость, – неуверенно пробормотал Грос. Но плечо его под пальцами Джайлса распрямилось. Он увереннее зашагал по задымленному коридору.

Дым становился гуще. Все они закашлялись. Джайлс почувствовал, как рука девушки, Мары, нащупала сзади его комбинезон и вцепилась в него.

– Не останавливаемся! – сказал Джайлс между приступами кашля. – Это должно быть близко.

Внезапно что-то преградило им путь.

– Дверь, – сказал Грос.

– Открой. Идем дальше! – нетерпеливо рявкнул Джайлс.

Трудяга подчинился, и вскоре они очутились в небольшом помещении, где дым был реже. Мара закрыла за собой дверь, через которую они вошли.

Прямо перед ними была еще одна дверь, тоже закрытая. Тяжелая дверь шлюза. опередив Гроса, Джайлс толкнул ее, но та даже не шелохнулась, затем ударил кулаком по пусковой кнопке. Дверь медленно открылась, убравшись внутрь. За ней располагалось внутреннее пространство шлюза и далее еще одна дверь, открытая.

– Идите, – коротко сказал Джайлс трудягам, указав на открытый шлюз. Мара тут же двинулась вперед, но Грос медлил в нерешительности.

– Ваша светлость, – спросил он, – пожалуйста, скажите, что случилось с лайнером?

– Что-то взорвалось на корме. Я не знаю почему, – кратко ответил Джайлс. – Ну, вперед. Спасательная шлюпка за вон той дверью.

Грос все еще медлил.

– А если придут еще другие, сэр?

– Всем остальным следует поторопиться, – сказал Джайлс. – С таким дымом в коридорах у нас не много времени. Эта спасательная шлюпка скоро отчалит.

– Но что, если, когда я войду...

– Когда ты войдешь, альбенаретец там скажет тебе, что делать. На каждой спасательной шлюпке есть отвечающий за нее инопланетянин. Ну, давай!

Грос вошел. Джайлс повернулся, чтобы проверить, что входной люк за ним закрылся. Вокруг клубился дым, хотя причина существования воздушных потоков была неясна, ведь шлюз теперь был закрыт. Динамик над закрытой дверью внезапно донес отдаленный кашель.

– Сэр, – раздался вдруг позади него голос Гроса, – на спасательной шлюпке еще нет альбенаретца.

– Вернись назад. Жди там! – рявкнул он на трудягу, не поворачивая головы. Звуки кашля из динамика стали громче, донесся негромкий топот неуверенных шагов. Один из идущих, взмолился Джайлс, просто обязан быть альбенаретцем. Сам он не раз водил свою яхту по Солнечной системе, но управлять спасательной шлюпкой чужаков...

Он нажал кнопку открытия шлюза. Внутренний люк широко распахнулся. Сквозь дым смутно проступали приближающиеся фигуры. Джайлс выругался. Это были люди, все в одинаковых серых костюмах трудяг. Пятеро, сосчитал он, когда они подошли ближе, цепляясь за одежду друг друга, и некоторые из них хныкали, когда не кашляли. Первой шла седая женщина с резкими чертами лица, и, увидев его, она машинально склонила голову в знак почтения. Он открыл внутреннюю дверь и жестом приказал им входить, посторонившись, чтобы они его не задели. Прежде чем вошел последний, лампы на потолке мигнули, вспыхнули снова – и погасли окончательно.

Джайлс закрыл дверь за вошедшими и нажал кнопку подсветки своих часов. Обычно циферблат светился вполне ярко, но сейчас высвечивал только клубящийся дым, проникший в шлюз. Сам воздух тоже стал горячее – пожар бушевал где-то неподалеку. Джайлс снова не смог удержаться от кашля, и голова у него уже раскалывалась от этого дыма.

В помещении, связывающем корабль со шлюпкой, часть стены со скрежетом исчезла, и Джайлс повернулся в ту сторону. Поток воздуха из непонятного источника усилился, и он обнаружил овальный проход там, где раньше был сплошной металл. Дым быстро всасывался туда, в частично очистившемся воздухе появилась высокая худая фигура, наклонившая голову, чтобы выйти к шлюзу.

– Вовремя! – произнес сквозь кашель Джайлс.

Альбенаретец ничего не ответил и торопливо проследовал в шлюпку типичной походкой чужаков – словно у него перебиты ноги, – а Джайлс следовал за ним по пятам. Как только оба оказались внутри, альбенаретец повернулся и закрыл внутренний люк. Действие говорило само за себя, и лязг закрывшегося люка показался Джайлсу стуком захлопнувшейся крышки гроба.

Когда они вошли внутрь, голоса трудяг смолкли, и те осторожно расступились перед чужаком. Не говоря ни слова, тонкая фигура сунула руку в просвет под мягким полом и вытащила оттуда металлический каркас, обтянутый гибким пластиком. Это была противоперегрузочная койка, покрытая толстым слоем пыли.

– Откройте койки вот так, – приказал альбенаретец, в его устах человеческие слова казались щелкающими и шипящими. – Пристегнитесь. Двигаться будем резко.

В затянувшемся безмолвии альбенаретец повернулся, прошел к пульту управления на носу шлюпки и пристегнулся ремнем безопасности к одному из двух кресел перед ним. Его трехпалые руки шустро задвигались. На панелях засветились огоньки, перед ним ожили два обзорных экрана, показывающие пока лишь размытое изображение стен отсека спасательной шлюпки. Джайлс и трудяги едва успели вытащить для себя ложа, как шлюпка стартовала. На них обрушилось внезапное ускорение, и они вцепились в каркасы своих коек.

Заряды взрывчатки разнесли секцию корпуса, прикрывавшую спасательную шлюпку. Ускорение вдавило их всех в койки, когда шлюпку выбросило из чрева корабля в космос. Сила тяжести изменила направление, когда заработал двигатель шлюпки, унося их от умирающего звездолета, и тошнотворное ощущение пробрало всех людей, когда они оказались за пределами гравитационного поля большого корабля и начало действовать слабое гравитационное поле шлюпки.

Джайлс воспринимал это лишь краем сознания. Вцепившись в раму своего ложа, чтобы его не сбросило, он не отрывал взгляда от правого обзорного экрана. На левом были только звезды, правый же заполнял горящий, умирающий звездолет.

Эти останки ничем не напоминали тот лайнер, на который они садились двенадцать дней назад высоко над земным экватором. Раскаленный добела, искореженный и разорванный металл сиял в космической тьме. При этом некоторые секции корпуса еще оставались освещенными, но большая часть была темной. Плавающие останки, уносясь прочь, съежились на экране до размера горящих углей, затем медленно переместились к краю экрана и перешли на другой экран. Альбенаретец говорил что-то в решетку под одним из экранов на своем гудяще-

жужжащем языке. Судя по всему, он несколько раз повторил одни и те же слова, пока из динамика не донеслось терзающее слух неприятное шипение и ему ответил другой голос. Последовала быстрая дискуссия, тем временем горящий звездолет переместился в центр экрана и стал расти на глазах.

– Мы возвращаемся! – истерически выкрикнул в темноте кто-то из трудяг. – Остановите его! Мы летим назад!

– Замолчи! – машинально отреагировал Джайлс. – Всем молчать, это приказ! – И спустя секунду добавил: – Альбенаретец знает, что делает. И никто другой не сможет управлять шлюпкой.

Трудяги молча следили за тем, как останки звездолета, увеличиваясь, заполнили весь экран, и стало понятно, что они углубляются в этот хаос. Ловкая игра шести длинных пальцев альбенаретца на пульте управления повела спасательную шлюпку внутрь, огибая зазубренные стальные края, возникавшие на экране переднего обзора. Внезапно перед ними оказалась цельнохонькая неповрежденная секция, и они с лязгом в нее ударились. С глухим стуком сработали магнитные присоски, и шлюпка задержалась, завозилась со скрежетом, как бы пристраиваясь к чему-то. Затем чужак поднялся с кресла и зашагал к шлюзу. Открылся внутренний люк – а затем внешний.

Это не вызвало ни малейшего движения воздуха – они надежно пристыковались к люку одного из воздушных шлюзов звездолета. Покрытый снаружи инеем люк со скрежетом приоткрылся и замер. Альбенаретец обмотал руки лапами своего похожего на халат одеяния, ухватился за край люка и потянул так, что тот окончательно распахнулся. Проникающий через него дым на мгновение рассеялся, открывая проход воздушного шлюза и фигуры еще двух тощих альбенаретцев.

Трое инопланетян быстро переговорили между собой. На морщинистой темной коже их лиц Джайлс не смог разобрать какого-либо выражения, и по их круглым глазам тоже ничего нельзя было понять. Иногда они подчеркивали свои слова щелкающими жестами трехпалых рук, резко сводя разведенные пальцы. Разговор их оборвался внезапно. Первый альбенаретец и один из тех двоих, протянув руки, коснулись кончиками пальцев рук третьего, стоявшего в шлюзе дальше всех от шлюпки.

Двое инопланетян, стоявшие ближе, последовали на шлюпку. Тот, кого они оставили, не двинулся и не пытался следовать за ними. Лишь когда дверь люка начала задвигаться, все трое одновременно рассмеялись своим высоким щелкающим смехом и продолжали смеяться после того, как дверь разделила их. И когда шлюпка уже уходила в пространство, капитан и второй альбенаретец продолжали смеяться. Постепенно их смех затих под ошеломленное молчание окружающих их трудяг.

2

Потрясение от катастрофы, усталость или то, что они наглотались дыма, а может, все это вместе повергло людей в оцепенение, и они молча уставились покрасневшими глазами на горящий звездолет на экране заднего обзора в носовой части шлюпки. Изображение уменьшалось, пока не превратилось в маленькую звездочку, ничем не отличающуюся от тысяч других, светившихся на экране.

Наконец она и вовсе исчезла. Тогда высокий альбенаретец, первым пришедший на спасательную шлюпку и выведший ее из космического лайнера, встал с кресла, повернулся и направился к землянам, оставив второго заниматься чем-то непонятным на пульте управления. Остановившись на расстоянии вытянутой руки от Джайлса, он поднял вверх длинный темный палец, средний из трех на его руке.

– Я капитан Райумунг. – Палец повернулся, указывая на второго инопланетянина. – Инженер Мунганф.

Джайлс кивнул в знак понимания.

– Вы их предводитель? – спросил капитан.

– Я – магнат, – холодно ответил Джайлс. Даже принимая во внимание естественное невежество чужаков, нелегко снести предположение, что ты просто один из группы трудяг.

Капитан отвернулся. Как если бы это послужило сигналом, сразу несколько трудяг тут же стали задавать ему вопросы, но капитан всех их проигнорировал. Но голоса стихли, когда высокая фигура вернулась к пульту управления, извлекла из специальной ниши прямоугольный предмет, обернутый в золотистую ткань, ритуально подержала его на вытянутой руке и положила на отведенное ему место на панели управления. Инженер встал рядом с ним, и капитан положил палец на золотистую ткань. Они молча склонили головы над этим предметом и так застыли.

– Что это? – раздался голос Гросса за спиной Джайлса. – Что они достали?

– Угомонитесь, – резко сказал Джайлс. – Это их священная книга – альбенаретский звездный справочник астрогатора, содержащий навигационные таблицы и другую информацию.

Грос замолчал. Но тут, нарушив приказ, решительно заговорила Мара:

– Ваша светлость, сэр, – сказала она ему почти на ухо, – прошу вас, скажите нам, что происходит.

Джайлс покачал головой и прижал палец к губам, не решаясь нарушать тишину, пока двое чужаков, подняв головы, разворачивали золотистую ткань. Освобожденная книга напоминала нечто из человеческого прошлого – хотя, конечно, относилась к прошлому альбенаретцев: переплет из кожи животного, страницы выделаны из сырья растительного происхождения.

– Ну так вот, – сказал Джайлс, наконец оборачиваясь и обнаруживая девушку прямо возле себя. И стал объяснять ей и одновременно всем трудягам. – Религия и звездоплавание для альбенаретцев неразделимы. Все, что они делают для управления этой шлюпкой, как и любым другим кораблем, – священное и ритуальное действие. Всем вам должны были рассказать об этом на Земле перед отправкой на борт космического лайнера.

– Нам ровно это и рассказали, сэр, – сказала Мара, – но не объясняли, что именно они делают и почему.

Джайлс глянул на нее с легким раздражением. Не его дело быть наставником для трудяг. Потом он смягчился. Вероятно, будет лучше, если они узнают больше. Им предстоит прожить вместе в суровых условиях и тесноте несколько дней, а может, и недель. Они смогут лучше приспособиться к ожидающим их лишениям, если будут понимать.

– Что ж, слушайте все, – сказал он. – Космическое пространство альбенаретцы воспринимают как Небеса. Планеты и все прочие обитаемые твердые небесные тела для них – местопребывание Несовершенства. Путешествуя через космос, альбенаретцы приближаются к Совершенству. Чем дальше они путешествуют и чем дольше не совершают посадки на планеты – тем большего Совершенства достигают. Если вы помните, капитан назвал себя Райумунг, а инженера – Мунганф. Это не имена, а их ранги в отношении продвижения к Совершенству. Они никак не связаны с их обязанностями на корабле, разве что более ответственный пост обычно доверяют достигшему более высокого ранга.

– Но что же тогда эти ранги означают? – снова не сдержалась Мара. Джайлс улыбнулся.

– Ранги зависят от количества полетов и проведенного в них времени. Но не только от этого. Чем тяжелее выполняемая миссия, тем сильнее растет ранг. Например, за полет в этой спасательной шлюпке ранг капитана и инженера поднимется очень сильно – не потому, что они спасали нас, но поскольку для этого им пришлось отказаться от возможности погибнуть в горящем звездолете. Видите ли, окончательная и главная цель летящего через космос альбенаретца – умереть в итоге именно в космосе.

– Но это значит, что их ничто не заботит! – резко высказала, почти с испугом выкрикнула, другая девушка-трудяга, темноволосая, такая же молодая, как Мара, но без признаков характера на лице. – Если что-то пойдет не так, они просто позволят нам умереть, чтобы самим получить возможность умереть!

– Конечно же, нет! – оборвал ее Джайлс. – Даже и не думайте такое. Смерть – величайшая награда, возможная для альбенаретца в космосе, только после того, как он сделает все возможное для выполнения своего долга. Только когда не остается других вариантов, альбенаретец может позволить смерти забрать его.

– Но если эти двое решат, что шансов никаких нет, или что-то в этом роде? Тогда они просто умрут и...

– Хватит болтать! – рявкнул Джайлс на трудяг. Он внезапно устал объяснять, испытывая стыд и отвращение к ним ко всем – за их глупые жалобы, неприкрытый страх, отсутствие малейшего контроля и самообладания, за бледные от долгого пребывания в закрытых помещениях, без солнечного света, лица. Все то, что свидетельствовало в них о принадлежности к низшему классу, вызывало у него тошноту. – Угомонитесь! Займитесь делом: пусть каждый разместит свое ложе так, чтобы оказаться по соседству с тем, с кем хочет находиться, пока мы будем в шлюпке. Эти места станут постоянными. Я не собираюсь разбирать ваши ссоры и пожелания о перемене места! Сейчас я осмотрю шлюпку, затем познакомлюсь со всеми вами и скажу каждому, чем он будет заниматься, пока мы находимся здесь. Ну, давайте!

Все они без малейших колебаний отвернулись от него и занялись делом, за исключением, пожалуй, Мары. Джайлсу показалось, что девушка секунду помешкала, прежде чем повиноваться, и это его удивило. Возможно, она из тех несчастных трудяг, что оказались воспитаны, обласканы и чрезмерно избалованы в какой-нибудь семье магнатов, так что чуть ли не считали себя принадлежащими к высшему классу. Трудяги, получившие подобное воспитание, как правило, оказывались плохо приспособленными к последующей жизни. Не обрета должных привычек в свои ранние годы, они, став взрослыми, не могли нормально подстроиться под требования общества. Если ей выпала такая участь – очень жаль. Во всем остальном она производила хорошее впечатление.

Отвернувшись от трудяг, он моментально выбросил их из головы и занялся внимательным изучением спасательной шлюпки. Она несколько не походила на те роскошные комфортабельные и максимально автоматизированные частные космические корабли, на которых он, как и большинство наследственных магнатов, часто пересекал Солнечную систему.

– Сэр... – прошептал кто-то сзади. – Вы не знаете, они женщины?

Джайлс обернулся и увидел Гросу. Его лицо было бледным и в поту. Джайлс мельком глянул на альбенаретцев. Различить их пол было не просто, и на космических кораблях их мужчины и женщины не различались в обязанностях – как, впрочем, и на любых мирах. Но более длинный торс капитана и необычайно прямая осанка давали ключ к разгадке. Капитан был женщиной. Инженер – мужчиной.

Джайлс снова присмотрелся к болезненно бледному от страха Гросу. Среди трудяг ходили тысячи ужасных историй о поведении альбенаретской женщины в особые периоды не только по отношению к мужчинам своего вида, но, как суеверно считали трудяги, и по отношению к любым другим разумным существам мужского пола. В основе их легенд был тот факт, что альбенаретская «самка» – два их пола не в точности совпадали с человеческим понятием о мужчине и женщине – во время полового акта забирала у «самца» не только специфические мелкие оплодотворяющие организмы, который он произвел для ее яйцеклетки, но все генитальную часть его тела. Эта часть помещалась полностью в яйцеклеточную сумку, присоединялась к ее собственной кровеносной системе и становилась частью ее тела и источником питания эмбриона во время беременности.

Отторжение мужского полового органа, естественное с точки зрения альбенаретцев, в представлениях людей означало ужасное увечье, причиненное мужчине женщиной. Мужчина тем самым эффективно лишался половой жизни до того времени, пока гениталии не отрастут снова, то есть примерно на два года по земному времени – как раз достаточно, чтобы альбенаретский ребенок родился и научился сносно передвигаться на своих ногах. Земные ксенобиологи разработали теорию, гласившую, что в доисторические времена этот эволюционный механизм, временное лишение альбенаретского самца возможности размножения, гарантировал, что он обеспечит защиту своей самке, вынашивающей потомство, в самый уязвимый период, когда она и ее ребенок не способны сами о себе позаботиться.

Но столь сложная интерпретация инопланетных обычаев, подумал Джайлс, недоступна пониманию трудяг, перешептывающихся в темных углах. Грос, очевидно, испытывал характерный для примитивных представителей человечества страх перед тем, что может сделать с ним альбенаретская женщина, особенно будучи возбуждена. И вполне возможно, что и другие мужчины-трудяги будут реагировать так же, если кто-то из них узнает, какого пола капитан.

– Они пилоты! – рявкнул Джайлс. – С чего ты решил, что они женщины?!

Снова на лице Гросса проступило облегчение.

– Нет, ваша светлость. Нет, сэр, конечно нет... благодарю вас, сэр. Большое спасибо.

Он, пятясь, отошел. Джайлс отвернулся от него и продолжил изучать спасательную шлюпку. Однако затем ему пришлось в голову, как поражены будут трудяги, если стремление к размножению возобладает над парой инопланетян до того, как они совершат посадку на планету. Конечно, он понятия не имел, при каких условиях такое может произойти, и потому выбросил это из головы. Пока что все было в порядке, и большего ему не требовалось. Он сосредоточился на осмотре шлюпки.

3

В полете: 1 час 2 минуты

По форме шлюпка представляла собой правильный цилиндр. Заднюю половину цилиндра занимал искривитель пространства и питавший его ядерный реактор. В носовой части располагался пульт управления и два обзорных экрана; оставшееся пространство имело форму трубы около четырех метров диаметром и двенадцати метров в длину, усеченной с одной стороны плоским полом. По этому полу, из лилового мягкого губчатого материала, было неудобно ходить, зато удобно сидеть или лежать на нем. Складные койки, в которых они лежали, когда удалялись от космического лайнера, хранились как раз под губчатым полом.

По потолку по всей длине шлюпки тянулась полоса ярких бело-голубых огней. Как узнал Джайлс еще на Земле, когда изучал альбенаретцев и их космические корабли, они никогда не выключались, даже когда шлюпка не использовалась. Постоянное освещение требовалось лозе жизнеобеспечения, покрывавшей всю свободную поверхность помещения от средней части и до самой кормы. Это растение означало жизнь для пассажиров шлюпки, как землян, так и альбенаретцев, ибо устьяца его плоских красновато-зеленых листьев выделяли кислород. Золотые круглые плоды, свисавшие, как украшения, на длинных тонких стебельках, были единственным источником пищи на борту шлюпки. Ствол лозы жизнеобеспечения, толщиной в человеческую ногу, выползал из похожего на гроб металлического ящика на корме, содержащего питательный раствор для этого растения. Пыльный металлический люк на этом ящике прикрывал отверстие, куда сваливались все остатки еды и все отходы для переработки. Простая и действенная система выживания, замкнутый цикл, в котором все санитарные удобства состояли из раковины под краном с холодной водой и контейнера с крышкой позади ящика.

Пассажиры-трудяги пока что не знали, как все это ограничит их жизнь на борту корабля чужаков. Они еще не разобрались в тех новых обстоятельствах, в которых оказались. Осозна-

ние повергнет их в глубокий шок. И они не магнаты, которые в подобных ситуациях стараются, прибегнув к самоконтролю, сохранить самообладание и ни в коем случае не поддадутся страху и не впадут в отчаяние, сколь бы ужасным это ни казалось.

Не следует их пугать, отметил для себя Джайлс и пошел обратно к трудягам, уже разобравшимся, где чья койка будет стоять до тех пор, пока они не совершат посадку на планету.

– Все разместились? – спросил он.

Последовали одобрительные кивки. Он глядел на них сверху вниз, будучи на голову выше любого, за исключением крупного чернорабочего, стоявшего чуть поодаль за их спинами. Другие, похоже, сторонились его, машинально отметил он, считая существом более низкого класса, чем они сами. Не следует допускать здесь таких расслоений.

Чернорабочий был ростом с Джайлса и килограммов на 20 тяжелее. На этом сходство заканчивалось. Из всех присутствующих только у Джайлса была загорелая кожа, правильные красивые черты лица и зеленые глаза с морщинками от солнца в уголках, что свидетельствовало как о правильном воспитании, так и о жизни на свежем воздухе. Уже это заметно выделяло его, даже если не было бы ярко-оранжевого комбинезона из дорогой сверкающей ткани, резко контрастирующего с серой бесформенной одеждой трудяг. Даже лица его было достаточно, чтобы напомнить остальным, что его дело командовать, а их – подчиняться.

– Хорошо, – сказал он. – Я *Стальной* Джайлс Эшед. Теперь, один за другим, назовите себя. – Он повернулся к Маре, занявшей первую койку слева от него. – Начнем с тебя, Мара.

– Мара 12911. Специалист по контролю необходимых запасов, направлена по контракту на Белбен, как и остальные.

– Ясно. – Он повернулся к Гросу, стоявшему у койки правее Мары. – Будем двигаться в этом направлении. Говори разборчиво, Грос. Твое имя и номер специальности.

– Грос 5313, контракт на три года, отдел компьютерного контроля, «Белбеновские шахты и фабрики».

– Отлично, Грос. Рад видеть, что твой компьютер при тебе.

– Я всегда с ним, сэр. Без него как без рук.

Джайлс заметил, что некоторые улыбнулись этой затасканной шутке. Считалось, что компьютерные специалисты не способны ничего обдумать, не подсчитав сперва все варианты. Неплохо: паника их уже отпустила. Следующий за Гросом был тощий блондин, пальцы которого отстукивали на бедрах неслышные ритмы.

– Эстебен 6786, организация шоу и развлечений, – сказал он приятным тенором. – Буду налаживать новую радиовещательную систему на Белбене вместо прежней, полностью автоматической.

– Ага. В сумочке у тебя звуковой аппарат?

– Да, ваша светлость, сэр. Хотите посмотреть? С многоканальной системой хранения музыки.

– Отлично. Сможем использовать его для ведения бортового журнала.

Джайлс протянул руку. Эстебен шагнул вперед, но все же помешкал, прежде чем вытащить плоский футляр.

– Но вы ведь не станете стирать всю музыку для ведения журнала, ведь правда, сэр? Ну пожалуйста. У нас будет хоть какое-то развлечение здесь, на маленьком корабле...

Джайлс внутренне содрогнулся, услышав умоляющую ноту в голосе мужчины. Даже трудяга не должен так унижаться.

– Не всю музыку, – успокоил он, – не волнуйся. Освободи для меня один час. Этого должно хватить. Если не хватит, я попрошу тебя удалить еще.

– Всего час? – Лицо Эстебена просияло. – Разумеется, сэр. Один час – совсем не проблема. Тут есть всего понемногу. Могу стереть что-нибудь из джазпопа или старых симфоний. Или есть много музыкальной рекламы... – Он с надеждой улыбнулся, остальные засмеялись,

но смех тут же стих, когда они увидели, что Джайлс даже не улыбнулся. – Простите, ваша светлость, я не это имел в виду, конечно же! Просто шутка. Вот, пожалуйста, удалил час, и тут все настроено. – Он передал звуковой аппарат, его рука слегка дрожала.

– Я запишу сюда все имена; нам нужно это как-то сохранить. – Джайлс наговорил в микрофон уже названные имена и числа.

– Теперь остались только вы четверо.

– Бисет 9482. Надзор и контроль, контракт на год, – сказала стоявшая напротив Эстевена высокая седая женщина, которая привела к спасательной шлюпке группу выживших. Явно умеет общаться с властью имущими, подумал Джайлс. Жизнь научила ее этому, в отличие от Мары. За ней стояли двое молодых трудяг – черноволосый юноша и такая же черноволосая девушка. Они держались за руки, пока все присутствующие не обратили на них взгляды. Девушка вспыхнула, юноша ответил за обоих:

– Фрэнко 5022. Это... моя жена, Ди 3579. Мы оба связисты, контракт на 7 лет.

– Оба только что окончили техникум, оба на первом контракте – и уже поженились?

Хохот трудяг – ненамужный и искренний – несколько снял общее напряжение. Фрэнко кивнул, улыбнувшись, и Ди тоже улыбнулась, оглядываясь, явно довольная всеобщим вниманием. Это была та самая девушка, которая запаниковала, когда Джайлс рассказывал, что альбенаретцы ищут в космосе смерти как высшей награды. Джайлс произнес их имена в микрофон и взглянул на рослого рабочего.

– Теперь твоя очередь, парень.

Тот коснулся пальцами лба чуть ниже шапки коротко остриженных черных волос, как бы отдавая честь, прежде чем ответить.

– Хэм 7624, ваша светлость, – сказал он. Его почти квадратное лицо было молодым, без морщин, но в голосе слышалась грубая хрипотца, как у пожилого. – Выполняю физическую работу, без специальности. Зато безупречный послушной список.

– Отлично, – сказал Джайлс, – нам повезло, что ты с нами на борту, Хэм, и можно в случае чего положиться на твою силу. – Он обвел взглядом остальных трудяг и увидел, что они уловили социальный подтекст его слов. Двое из них покраснели, некоторые потупили взоры. Но Мара оказалась не из их числа. Им явно не понравилось, что он поставил Хэма вровень с ними, но пришлось с этим смириться.

Джайлс подержал звуковой аппарат на вытянутой руке, и Эстевен подошел и забрал его.

– На этом пока все, – сказал Джайлс. – А теперь я пойду поговорю с капитаном, может, узнаю что-нибудь. Пока что ясно лишь, что либо мы столкнулись с чем-то, либо что-то взорвалось, и, похоже, кроме нас, никто больше не спасся.

– Больше двухсот человек – людей – было на борту, если точно, то двести двенадцать, – хрипло сказал Грос, вводя эту цифру в свой компьютер, как бы для того, чтобы сделать ее более весомой.

Джайлс внутренне содрогнулся, снова ощутив острые угрызения совести.

– И двенадцать чужаков, команда звездолета, – громко добавил он. – Так что нам повезло. Помните об этом, если дела пойдут совсем плохо. Эти шлюпки предназначены лишь для выживания, комфорта здесь нет. Вы уже разобрались, как обращаться с койками. Вот этими ягодами лозы жизнеобеспечения мы будем питаться после того, как отождем из них воду. Они на три четверти состоят из воды, так что ее нам хватит. Растение специально выведено для такой цели. В ягодах много белка, так что голодать мы не будем.

– А каковы они на вкус, сэр? – спросила Ди. Было ясно, что в своей жизни она пробовала только готовую еду в столовой.

– Ну а все дела делать... вон там? – спросила седая женщина, Бисет, демонстративно шмыгнув носом и указав в сторону бака с крышкой.

– Боюсь, что да, – ответил Джайлс. – Но где-то здесь, под полом или на стенах, должны быть перегородки. Я спрошу у капитана. Мы сможем устроить какое-то подобие уединения.

– Спросите его, зачем мы возвращались за этим сухим заморышем. – Теперь, когда первый страх прошел, Грос стал проявлять негодование. – Мы ведь могли погибнуть, все мы!

– Наверняка у капитана были веские причины так поступить. Я спрошу его о них. Но послушайте вот что! Очевидно, никто из вас ранее не бывал в космосе, однако все вы слышали десятки невероятных историй об альбенаретцах. Забудьте их немедленно! Мы полностью зависим от этих двух чужаков, и только благодаря им у нас есть шанс выжить. Чтобы я больше не слышал слова «заморыш»! Понятно? А теперь внимательно осмотрите ваши койки, все ли с ними в порядке, и говорите потише, пока я буду беседовать с капитаном.

Во время разговора с работягами Джайлс то и дело поглядывал на альбенаретцев. Извлеченный из золотой упаковки звездный справочник поместили на его священное место, в специальные зажимы на пульте управления, инкрустированные драгоценными камнями. Некоторые панели по бокам пульта управления были сняты, и инженер осторожно изучал внутренности усиками какого-то инструмента. Капитан молча сидела, скрестив руки на груди и глядя в пустоту космоса. Джайлс подошел к ней и встал рядом.

– Я хочу поговорить с Райумунг, – сказал он на жужжащем альбенаретском. Капитан медленно повернула к нему лоснящееся морщинистое лицо.

– Вы говорите на нашем языке?

– Я из клана *Стальных*. Я отправился в космос, потому что к этому призвал меня долг. И по этой же причине изучил ваш язык. Прошу сообщить то, что мне требуется знать.

– Мой звездолет разрушен, и я не могу умереть вместе с ним. В ближайшее время мы направимся на Белбен.

– На Белбен? – удивился Джайлс.

– На Белбен, – подтвердила капитан.

– И как долго будет длиться это путешествие?

– Пока что не знаю точно. Примерно сто корабельных суток. Здесь слабая двигательная установка, малоэффективная, так что Мунганфу не повезло лететь с нами.

– Сочувствую ему. Но почему произошла авария?

– Никакой аварии не было. Мой звездолет разрушен преднамеренным взрывом.

Впервые капитан проявила хоть какие-то эмоции, ее тон повысился, пальцы переплелись.

– Это невозможно... – начал Джайлс.

– В этом нет сомнений. В районе взрыва были только пустые грузовые отсеки. Там нечему было гореть. Чтобы поджечь пол, способный гореть только при очень высокой температуре, требовалась ядерная бомба.

Джайлс переступил с ноги на ногу.

– Это серьезное обвинение. Но кому могло понадобиться взрывать альбенаретский звездолет?

– Не знаю. Но преступление было совершено. – Темные глаза чужака смотрели прямо на Джайлса. – Преступление, которое не способен совершить ни один представитель моего народа.

– Возможно ли, что причиной взрыва был несчастный случай? Ваш звездолет был стар, Райумунг. Как и многие корабли альбенаретцев.

– Возраст тут ни при чем. Это не было несчастным случаем.

Теперь голос капитана не изменился, но длинные трехпалые руки крепко сцепились – признак сильнейшего волнения у альбенаретцев, насколько помнил Джайлс. Он переменял тему:

– Вы сказали, что на этой шлюпке до Белбена около ста дней пути. Нет ли чего-нибудь поближе?

– Порт назначения был Белбен. Он им и остался.

– Конечно, но не разумнее ли было совершить посадку в ближайшем пригодном для этого порту?

– Я, мои офицеры и команда потерей корабля отброшены далеко назад на пути к Совершенству. – Взгляд темных глаз отпустил Джайлса. – Мой инженер и я не можем позволить себе даже искупительной смерти. Не достичь назначенной цели – значит еще более усилить бесчестье, и это немислимо. Поэтому да будет так. Наш разговор окончен.

В Джайлсе вспыхнул гнев, но он сдержался и продолжил спокойным тоном:

– Но я еще не окончил разговор, Райумунг. – Капитан снова повернулась к нему. – Я отвечаю за других людей, находящихся вместе со мной на борту шлюпки. Я официально заявляю просьбу сократить время их пребывания здесь, выбрав ближайший пункт приземления.

Капитан некоторое время молча смотрела на него.

– Человек, – наконец сказала она, – мы позволяем вам путешествовать на бортах наших священных кораблей через священное пространство, потому что у вас нет своих достойных внимания звездолетов, а помощь другим, пусть даже чужакам, не понимающим Совершенства, – это шаг вперед по Пути. Кроме того, плата за перевозку позволяет большому количеству из нашего народа чувствовать себя свободными от суетного мира. Но тем не менее вы всего лишь то, что мы перевозим на борту. Не тебе обсуждать со мной порт назначения.

Джайлс открыл было рот для ответа, но глаза капитана уже перестали смотреть на него, и она снова заговорила:

– На борту этой шлюпки вы представлены нежелательным для меня образом. Вас восемь. Это не оптимальное количество.

Джайлс уставился на нее.

– Я не понимаю вас, Райумунг.

– Ваше количество, – повторила капитан, – не оптимальное для Совершенства при нашем путешествии на Белбен. Было бы лучше, будь вас на одного меньше. Может быть, вы сократите это число на одного человека? – она указала на ящик на корме. – Конвертор сможет переработать дополнительный материал.

Джайлс напрягся.

– Убить трудягу только ради потворства вашей идее Совершенства?! – возмутился он.

– Почему бы и нет? – Темные круглые глаза смотрели на него не мигая. – Ведь вы используете их как рабов, а на таком маленьком корабле так много рабов вам ни к чему. Что такое один из них в сравнении с моей доброй волей, от которой зависят все ваши жизни? Зачем вам беспокоиться о ком-либо из них?

Шок, словно ледяным топором ударили между лопаток, лишил Джайлса дара речи. Лишь через несколько секунд он смог взять себя в руки и заговорить.

– Да, они трудяги! – Он заметил, что жужжащие альбенаретские слова в его устах превратились в подобие рыка. – Они трудяги, а я магнат, магнат из семьи, сохраняющей власть в течение уже двадцати поколений! Попытайтесь положить в конвертор меня, Райумунг, если считаете, что сможете это сделать. Но если вы троньте пальцем хоть кого-то из тех, кто сейчас оказался под моей защитой, клянусь Богом моего народа и тем Совершенством, которому вы поклоняетесь, что эта шлюпка не достигнет пункта назначения вообще и вы умрете в бесчестье, даже если для этого мне придется разнести ее корпус голыми руками.

Капитан угрожающе нависла над ним. Поблескивающее бесстрастное лицо оказалось совсем близко.

– Я лишь предложила, а не приказала, – сказала она. Редкие нотки эмоций, что-то вроде мрачного юмора, проявились в ее голосе. – Вы в самом деле думаете, что можете потягаться со мной, человек?

Она отвернулась. Джайлс обнаружил, что от ярости весь дрожит, как сухой лист на осенней ветке. Он постоял секунду, ожидая, пока дрожь успокоится, и лишь затем повернулся. Трудяги должны видеть его только в состоянии полного самообладания.

Он позволил себе реагировать не подумав, и результат оказался почти катастрофичным как для него самого, так и для его миссии. Необходимо всегда сохранять самоконтроль. Но уничтожение незначительного человеческого существа вовсе не такой уж пустяк, как считает альбенаретский капитан. Но теоретически миссия Джайлса гораздо важнее, чем жизнь любого трудяги на борту этой шлюпки, и по логике ему следовало бы без колебаний принести в жертву любого из них, если этого требует его долг. Более того, в «штурмовой группе» Окэ многие магнаты поступили бы так без колебаний. И тем не менее в глубине души он знал, что, если капитан предложит это же еще раз, его ответ не станет другим.

Он *Стальной* – из древнего и благородного рода, который все еще процветает и работает с металлом, давшим ему столь высокий ранг и богатство – в отличие от *Медных*, *Спутсвязов* или *Бытуслугов*, семей, могущество которых давно уже основывалось только на власти над своими трудягами. Металл, сталь, возвысил человека, позволил ему подняться по первым ступеням его пути к цивилизации. Эйфелева башня и мост во Фриско все еще стоят как памятники этого подъема. Любой из клана *Стальных* счел бы бесчестным стоять сложа руки и наблюдать, как оскорбляют беззащитного трудягу, не говоря уж о его убийстве.

Он вернул себе внутреннее и внешнее спокойствие. Происходившее не имело никакого отношения к его долгу. Он должен следовать своим внутренним побуждениям – и пусть все остальные живут или умирают, как смогут.

Он повернулся к трудягам с невозмутимым видом и даже легкой улыбкой на лице.

4

3 часа 17 минут

Панели для перегородок были сухие и старые, как и почти все на этой спасательной шлюпке. Обтягивающая их ткань рвалась в сильных руках здоровяка Хэма, когда он вытаскивал панели из ниш под полом. Джайлс, лежа на койке, наблюдал, как Грос и Эстебен усердно заклеивают разрывы липкой пленкой, вытягивающейся из машинки, найденной в ремонтной сумке, предоставленной альбенаретским инженером. Сами инопланетяне отгородились встроенными позади их кресел, обращенных к пульту управления, перегородками, которые оставалось только поднять и зафиксировать. С того момента, как они это сделали, земляне их почти не видели, чем Джайлс был очень доволен. Чем меньше трудяги будут видеть альбенаретцев, тем лучше с ними уживутся. И как только сами они починят и установят перегородки, он собирался поручить паре женщин набрать ягод лозы жизнеобеспечения. Пока что внутреннее пространство было слишком загромождено панелями и работами по их ремонту.

Он перевел взгляд со своих подопечных на потолок шлюпки, сделанный из серого металла. Да, далеко ей до его межпланетной яхты... Его мысли вернулись к текущим проблемам и цели его путешествия.

К счастью, ему удалось сохранить ордер. Без ордера предстояло бы совершить убийство в колониальном мире, методы работы полиции которого ему незнакомы. Джайлс горько усмехнулся. Прежде магнаты не имели нужды убивать друг друга, но Пол Окэ запустил цепь событий, которая теперь неумолимо вела к тому, чтобы уничтожить его самого. Ох, если бы Пол ограничился ролью философа и наставника, указавшего всем им – молодым магнатам, юношам и девушкам, образовавшим шесть лет назад «штурмовую группу» Окэ, – путь к очищению и пробуждению человеческого духа!.. Но нечто извращенное, какое-то стремление к саморазрушению заставило его сразу шагнуть дальше и не медля ни минуты попытаться распахнуть двери Свободных учебных центров для трудяг.

– Пол, ты сошел с ума? – спросил тогда Джайлс.

– Нелепый вопрос, – холодно ответил Пол.

– В самом деле? – сказал Джайлс. – Ты же должен знать, что если сделать такое без подготовки, это вызовет хаос: люди окажутся выброшены на улицы умирать с голода, правительство перестанет контролировать ситуацию, производство остановится. Надо делать все постепенно. Как ты думаешь, почему наши предки установили нынешнюю социальную структуру? Просто не хватало ни места для проживания, ни промышленных мощностей, чтобы обеспечить потребности населения при новых технологиях. Выбора не было. Все это понимали. Пришлось остановить развитие цивилизации – непрерывный стремительный рост населения и темпов прогресса – хотя бы на какое-то время, чтобы раса поддерживала себя, не истощая планету. Сейчас мы почти пришли к тому, что можно убрать разделение на магнатов и трудяг – а ты хочешь уничтожить все достигнутое, попытавшись сразу вознести всех на небеса, на полсотни лет раньше срока.

– Я считал, – сказал Пол (его правильные классические черты лица не выдали волнения, как и полагалось настоящему магнату), – ты разделяешь мои принципы штурмовиков Окэ.

– Разделял и разделяю те принципы, которые нужно воплотить в жизнь. Штурмовики Окэ состоят из наследственных магнатов, не забывай об этом, Пол. Если кто-то из нас ошибается, я, как и ты, не буду закрывать на это глаза. Даже если этот кто-то – ты. Ты создал организацию, Пол, но она тебе не принадлежит. Ты всего лишь один из тех, кто готов действовать, чтобы покончить с этой уродливой двухсотлетней социальной системой. Если не веришь, спроси у других. Ты увидишь, что им тоже не нравится твоя идея совершить революцию прямо сейчас. Это пахнет погоней за славой, желанием устроить фейерверк, чтобы потешить свое эго.

– Погоней? – спросил Пол. – За славой? – намеренно разделяя слова.

– Именно так я сказал, – ответил Джайлс столь же спокойно. И только другой наследственный магнат, глядя на них и слушая, как беседуют два высоких уравновешенных юноши, понял бы, что оба готовы взорваться. – Сказал ровно то, что думаю. Повторяю, спроси у других «штурмовиков». Я не одинок в своем мнении.

Пол несколько долгих секунд задумчиво смотрел на него.

– Джайлс, несколько раз я уже сомневался в разумности твоего мнения. Сомневаюсь и теперь. У тебя развилась ошибочная концепция долга, который для нас – все. Мы опекаем всю остальную часть расы, пока ситуация и собственное развитие не сделают людей готовыми стать самостоятельными. Это наш высший долг. Если бы ты проникся им, то понял: не имеет значения, что открытие учебных центров сейчас вызовет всеобщий упадок и голод – как, впрочем, и потом, если его отложить. Если настала пора – надо действовать. Но в тебе, Джайлс, есть изъян. Ты отчасти романтик – и всегда был таким. Ты беспокоишься о людях, а не о великих переменах и ходе человеческой истории.

– История – это люди, – сказал Джайлс. Его тон и внешнее поведение не изменились, но внутри он ощущал что-то типа отчаяния. Вспышка гнева на непонятливость Пола утихла столь же быстро, как и возникла. Наследственные магнаты не имеют друзей, по крайней мере в старом смысле этого слова. Как и сказал Пол, долг – это всё. Но если уж речь зашла о дружбе, то Пол был его старейшим и лучшим другом. Их отношения восходили к проведенным вместе первым годам в Академии. Они сидели рядом в длинных обеденных залах и холодных классах, всегда оказывались поблизости в аскетичных спальнях и на спортивных площадках. Вместе они превратились из детей, хорошо помнивших и стремящихся хотя бы к ограниченной семейной близости наследственных магнатов, в членов правящего класса, ведающих только свой долг, как и сказал сейчас Пол, и не нуждающихся ни в ком и ни в чем другом.

С той поры они жили каждый сам по себе, как отдельные сформировавшиеся человеческие личности, избавленные от слабости какой-либо близости с другим человеческим существом. Такими им следовало стать, чтобы коррупция и человеческие слабости не разъели

жесткую структуру нацеленного на выживание общества, созданного их предками, которую требовалось поддерживать до тех пор, пока не станет достаточно жилья, пищи и всего прочего, чтобы все человечество снова смогло быть свободным.

Пока что свободен не был никто. В сущности, трудяги были рабами наследственных магнатов, а те были рабами своего долга – программы выживания, заложенной два века назад. Они не подвергали сомнению этот план, поскольку тот обеспечивал выживание расы, и не позволили бы трудягам подвергать его сомнению.

Такое положение вещей было нормальным. И возможно, что Пол был прав, сказав, что Джайлс романтик и в его чувстве долга есть изъян. Но все же Пол заблуждался, требуя скорейшего открытия учебных центров. Если он будет настаивать на этом, то другим членам их «штурмовой группы» придется остановить его, что по сути в данном случае означало: уничтожить. Ни один наследственный магнат не отступится от того, что считает верным, лишь из-за сильного сопротивления или из-за угрозы его жизни. Джайлс не хотел, чтобы Пол погиб. Он сделал очень много хорошего. Он слишком полезен, чтобы так просто потерять его. Поэтому он снова попытался воздействовать на него аргументами.

– Среди трудяг уже появился раскол, и не один, Пол, – сказал он. – Ты знаешь это не хуже меня. Вспомни хотя бы группу «Черный четверг», этих оголтелых революционеров. Или собирающихся в банды и избивающих других трудяг просто ради развлечения. Особенно трудяг-чернорабочих, которые для них идеальные жертвы – ведь все знают, что они генетически выведены так, чтобы быть безвредными, и устраивают только дружеские потасовки у себя в бараках. И наконец, среди трудяг есть бюрократическая прослойка, которая за двести лет развилась в нечто вроде класса надсмотрщиков из числа наследственных трудяг, преданных нам, наследственным магнатам. Задумайся над мотивацией этих трех групп, каждая из которых имеет свой интерес и игнорирует общий план выживания, который у тебя и у меня в крови. Неужели ты думаешь, что если завтра открыть учебные центры, все они будут сидеть и сложа руки ждать, пока план осуществится своим чередом? Ты знаешь ответ не хуже меня. Ты же понимаешь, что каждая из них постарается усилить хаос, вызванный ослаблением общественного порядка, чтобы получить для себя как можно больше власти. Они раздерут класс рабочих на части, Пол. Все они найдут приверженцев, и в этом израненном мире снова разгорится война. Война на улицах, где каждый будет готов уничтожать своих соседей!

Джайлс замолчал. Ему больше нечего было сказать об опасности реакции трудяг. Он пристально посмотрел на Пола, ожидая от него возражений, хоть каких-нибудь, чтобы иметь надежду продолжить дальше с опорой на логику. Но на лице Пола не было заметно никаких признаков, что его проняло, даже видимых лишь наследственному магнату. Он только сказал:

– И это все твои аргументы, Джайлс?

– Нет, – ответил тот, внезапно ощутив надежду. – Не совсем. Еще нужно принять во внимание альбенаретцев.

– До чужаков нам нет дела, – сказал Пол. – Они изначально не были учтены в нашем плане. Хотя, правда, оказались довольно полезны, потому что гораздо выгоднее рассчитываться с ними товарами за межзвездные перевозки, чем строить звездолеты самим. С их помощью нам удалось основать колонии на нескольких мирах с расходами вдвое меньше, чем обошлось бы без них. Но теперь мы все равно будем создавать свой флот, и альбенаретцы больше не понадобятся. В дальнейшем мы сможем их просто игнорировать.

– Нет! – мрачно заявил Джайлс. – Наша раса не может вступить в контакт с другой, попользоваться ею около двухсот лет, а затем просто уйти. Если нам они были просто полезны, то их мы спасли. Поскольку наши технологии и трудовые ресурсы позволили им сэкономить тот труд, который пришлось бы выполнять представителям их расы, они смогли отправить в космос больше своих кораблей, чем могли бы без этого. Ты же читал приватные доклады Совета. Но даже с нашей поддержкой их экономика в последние десятилетия находится в таком глу-

боком кризисе, что они не способны строить новые звездолеты – а ведь космос для них основа религии. Дошло даже до того, что они набирают команды на давно устаревшие звездолеты и не собираются снимать их с эксплуатации, поскольку ни один альбенаретец не может отказать другому альбенаретцу в праве жить и умереть в Священном Космосе.

– Нас это не касается, – сказал Пол. – Пусть каждая раса позаботится сама о себе.

– Нас это тоже касается! – настаивал Джайлс. – Говорю тебе, словами от этого не отбиться! Теперь уже недостаточно плана, решающего только человеческие проблемы. Любое реалистичное решение обязано принимать во внимание альбенаретцев и их проблемы; они должны ради нас, как и ради самих себя, разобраться со своей религией, которая требует жизни в космосе для каждого из них и полностью игнорирует необходимую для поддержания этой жизни планетарную экономику.

– Повторяю, – сказал Пол, – проблемы альбенаретцев нас не касаются. Можно их игнорировать, пусть живут так, как хотят. Единственный наш долг – забота о выживании нашей расы. И независимо от всех этих твоих рассуждений, я думаю, что другие «штурмовики» поддержат меня, а не тебя.

Он бросил взгляд на старинные, богато украшенные напольные часы, занимавшие центральное место у дальней стены его кабинета. Едва уловимое движение глаз, тут же снова уставившихся на Джайлса, но для наследственного магната такого было более чем достаточно.

– Извини, – сказал Джайлс, вставая, – если я отнял у тебя слишком много времени, но я считаю, что это очень важная тема. Возможно, в ближайшее время мы сможем обсудить это подробнее.

– Возможно, – ответил Пол. Единственное слово, произнесенное совершенно без эмоций, более ясно говорило «нет», чем любая страстная речь.

– В таком случае, – сказал Джайлс, – я поговорю с другими «штурмовиками». И мы каким-либо способом скоро с тобой свяжемся.

– Как угодно, – сказал Пол. – Всего хорошего.

– Всего хорошего.

Джайлс повернулся и вышел. Себе же он в тот момент сказал, что не надо говорить с единомышленниками прямо сейчас. Нужно хотя бы несколько дней, чтобы обдумать позицию Пола. Возможно, есть еще шанс сотворить чудо убеждения.

Но не прошло и шести недель после их беседы, как Пол исчез; и не прошло еще и шести месяцев, как среди низших трудяг распространился его манифест, призывающий всех трудяг требовать уравнивать их в правах с наследственными магнатами.

Конечно, после этого Пола стали разыскивать. И спустя неделю Джайлс и другие «штурмовики» были убеждены – хотя Всемирная полиция их уверенности не разделяла, – что Пол Окэ уже покинул Землю, а то и Солнечную систему. Трудяги каким-то образом помогли ему скрыться, вероятно, отправив на каком-то грузовом звездолете в один из отдаленных миров.

Это уже означало наличие какой-то организации. Следовательно, как минимум некоторые трудяги объединились в революционные группы для борьбы за ликвидацию контрактов и свободу передвижения, проповедуемые Полом.

Сам по себе этот факт – существование организации трудяг – означал, что Пол должен умереть, как только Джайлс сможет его найти. Для постройки звездного флота, который должен прийти на смену кораблям чужаков, необходимы послушные трудяги и верные долгу наследственные магнаты. Много трудяг и много земных лет. Нельзя позволить гениальному интеллекту Пола Окэ преждевременно возглавить и попытаться осуществить революцию трудяг.

Но убить своего старого знакомого – непростая задача, подумал Джайлс. Однако какое бы отвращение ты к ней ни испытывал, это придется выполнить, когда настанет время, потому

что обязательство исполнить свой долг встроено в тебя, словно железный прут, помещенный на место позвоночника.

Из панелей собрали перегородки. Одна из них протянулась почти через все занятое людьми пространство, как бы разделяя его на две большие комнаты. Другая, заметно короче, отгораживала то, что использовалось в качестве туалета. Для большей уединенности проход к этому санузелу был устроен со стороны кормы шлюпки. Джайлс поднялся со своей койки.

– Мара и Ди, – сказал он. – Идите сюда. Вы двое будете отвечать за сбор ягод.

– Я никогда не занималась этим, – попыталась отговориться Ди. В ее голосе ощущалась обычная для трудяг боязнь ответственности.

– Думаю, будет совсем не сложно научиться, – успокаивающе сказал Джайлс. – Подойдите сюда. Видите, как эта ягода крепится на окончании стебелька? Нужно покрутить стебелек, чтобы ягода упала в руку. Не вырывайте сам стебель, чтобы не повредить лозу. Наберите по дюжине ягод и принесите сюда. – Он повернулся к чернорабочему: – Хэм, как ты, готов сегодня показать свою силу?

Отдыхавший на своей койке Хэм моментально вскочил на ноги и ухмыльнулся.

– В бараках никому не удавалось со мной справиться, сэр. – Его крепкие, покрытые шрамами кулаки сжались при воспоминании об этом. – Покажите, что нужно сделать, ваша светлость.

– Нет, бить пока никого не надо, по крайней мере сейчас, – успокаивающе сказал Джайлс. – Хотя уверен, что в этом ты не оплошаешь. Есть кое-что, требующее человека с сильными мускулами.

– Значит – меня!

– Отлично. Вот пресс для выжимания сока. – Джайлс указал на тяжелый металлический аппарат, закрепленный на стене. Наверху у него было круглое отверстие, в центре выступал длинный рычаг, снизу крепились потертые пластиковые контейнеры. – Надо поднять рычаг и положить сюда ягоды, вот так. Потом с силой опускаешь рычаг. Сок вытекает вот отсюда, а когда поднимаешь рычаг обратно, вот сюда выпадает мякоть. Готов повторить этот процесс?

– Запросто смогу это сделать.

На самом деле особых усилий не требовалось, тем более от Хэма, но тот с готовностью включился в работу.

– Контейнеры полны, сэр, – доложил он вскоре, закончив работу.

– Отлично. Ну, кто готов попробовать это первым?

Говоря откровенно, Джайлс не мог не согласиться, что эта золотисто-зеленая мякоть выглядит отвратительно. Трудяги отпрянули. Джайлс усмехнулся, зачерпнул мякоть чашкой, взял из нее кусочек. Ничего похожего на ложку на шлюпке не оказалось, так что пришлось воспользоваться пальцами. Месиво оказалось склизким и пахло плесенью, как подъеденная червями древесина. Он положил его в рот и принялся усердно жевать. К счастью, вкуса почти не было, но консистенция казалась не очень приятной. С соком повезло больше. Почти чистая вода, слегка подслащенная. Он протянул чашку с мякотью Ди, и та после некоторого колебания осторожно взяла кусочек. И тут же его выплюнула.

– Фу! Какая гадость!

– Мне кажется, не так уж и плохо. Сможем к ней привыкнуть. Кто-нибудь еще голоден?

Желающим оказался лишь Хэм. Разжевывая и проглатывая без всякого выражения на лице, он прикончил целую чашку. Очевидно, вкус или, точнее, его отсутствие не имели для него особого значения.

– Сносная жратва, – сказал он наконец.

– Итак, уже есть один довольный клиент, – сказал Джайлс. – Я не собираюсь никого принуждать, но вот здесь мякоть ягод лозы жизнеобеспечения. В течение двенадцати часов

все вы должны попробовать это. Здесь только такая еда, и мы будем ее есть. Думаю, никто от нее не заболеет, и она будет поддерживать наши силы.

Для пушей убедительности он снова наполнил чашку и смог доесть все ее содержимое, не покривившись. Часто бывает, что легче вести за собой, чем идти за кем-то. Он хотел ополоснуть после этого руки, но почти не преуспел, поскольку в качестве воды был только сок. В этот момент к нему подошла Мара.

– Сказал ли капитан, как долго нам лететь, сэр?

Он ожидал, что кто-нибудь об этом спросит. Мара заслуживала ответ.

– Путь будет долгим, – сказал он. – Это совершенно точно. Когда капитан рассчитывает точнее, я сообщу.

– Он не сказал, почему они оставили на звездолете своего сородича?

Этого вопроса Джайлс тоже ждал и уже нашел удовлетворительный, на его взгляд, ответ. Но, конечно, трудяги запаникуют, если узнают, что с двигателями что-то не так.

– Чтобы понять альбенаретцев, нужно знать их философию... или религию, или как бы там это ни называлось. Для них само пребывание в космосе – благословение. Проведя в космосе много лет, они обретают то, что мы, пожалуй, назвали бы «святостью». Но самая высокая честь для них – умереть в космосе, после того как в нем прошла жизнь. Так что тем, кто остался на звездолете, по их меркам здорово повезло – в том числе тому, кто имел шанс полететь с нами, но остался. С этой точки зрения происшедшее с ним – самое важное для него событие.

Она нахмурилась.

– Это как-то слегка безумно, не правда ли? Я имею в виду, что находиться в космосе – это всего лишь находиться в космосе. И смерть здесь, конечно же, тоже ничего особенного не значит.

– Очевидно, альбенаретцы думают иначе. – Он попытался вернуть разговор к текущим делам: – Вы собрали достаточно ягод?

– Даже более чем. Никто не хочет их есть, но мы наполнили мякотью два контейнера, и амбал аж вспотел, выдавливая сок.

– Амбал? – Джайлс никогда не слышал раньше этого слова.

Она посмотрела на него настороженно, затем напряженность в ее лице сменилась улыбкой.

– Амбал... это кличка для людей низкого ранга. Я имела в виду Хэма, но вы не должны его так называть.

– Почему?

– Ну... в общем, это слово обозначает человека, которого мама в детстве уронила, так что у него с головой не все в порядке. Для нас... это просто фигура речи, но если вы его так назовете, он воспримет это буквально.

Он с интересом посмотрел на нее.

– Ты хорошо умеешь формулировать свои мысли.

На секунду Джайлсу показалось, что он уловил в ее взгляде вспышку гнева, но та исчезла прежде, чем он успел в этом удостовериться.

– Вы имели в виду: для трудяги, – сказала она. Ее голос был невозмутимым и спокойным.

– Конечно, – сказал он. – Ты ведь не получила разностороннего образования.

– Вы в самом деле думаете так? Тогда мне следует поблагодарить вас за комплимент.

– Комплимент? – Это его озадачило. Он мог бы сделать комплимент женщине-магнату, но не такой девочке, как эта. – Я просто констатировал факт – хотя возможно, что для тебя это лестно.

– О да, это так. – В ее голосе почудилось легкое раздражение, почти сразу исчезнувшее. Остались лишь нотки грусти, и девушка перевела взгляд на губчатый пол спасательной шлюпки. – Как и все остальные, я рада тому, что выжила. Когда перестаю думать о том, сколько

человек там, на Земле, отдали бы все на свете, чтобы оказаться здесь, в космосе, пусть и на борту спасательной шлюпки...

Он уставился на нее озадаченно.

– Ты хочешь сказать, что есть трудяги, которым нравится летать в космосе?

Мара повернула к нему лицо и посмотрела в ответ. На секунду ему почудилось, что она сейчас рассмеется над ним – непростительное нарушение приличий, норм поведения для такого человека, как она, при общении с магнатом.

– Нет, конечно, – ответила она, – я говорю о возможности отправиться в один из колониальных миров – возможности обратиться с Земли.

– Обратиться с Земли? – Голова этой девушки полна странных мыслей. – Расстаться с безопасной жизнью на Матери Планет – с увеселительными парками и развлекательными центрами – и отправиться туда, где приходится тяжело работать в суровых условиях и со скудной едой? Зачем это нужно трудягам?

– А зачем это наследственным магнатам? – сказала она. – Но ведь многие из вас поступают так.

– Это же совсем другое дело. – Он нахмурился. Как объяснить этой простой девушке, при ее ограниченности, что значит принимать самодисциплину и целеустремленность, обязательные для любого магната с того момента, как он начинает ходить? Лишь очень смутно – как давно это было! – он помнил свое одиночество в четырехлетнем возрасте, когда его разлучили с семьей и отправили в школу-интернат, чтобы начать подготовку к обязанностям будущего лидера расы. В первую ночь после этого он плакал – как ни стыдно было это вспоминать – молча, уткнувшись в подушку. И многие из его сверстников в том бараке тоже плакали в первую ночь, но лишь один из них не скрывал этого... Этот мальчик плакал и во вторую ночь, и в последующие ночи, и через неделю его забрали из интерната. Куда – никто из них так и не узнал, потому что ни учителя, ни воспитатели этого не рассказывали.

– Это совсем другое дело, – повторил он. – Для нас это вопрос ответственности, как ты знаешь. Магнаты отправляются в колониальные миры не потому, что предпочитают их Земле. Они отправляются из-за того, что к этому взывает их долг.

Она внимательно посмотрела на него.

– Вы в это действительно верите? Неужели вы никогда не делали чего-то просто потому, что этого хочется?

Он рассмеялся.

– Ну, Мара, каким магнатом я оказался бы, если бы мог ответить «да» на такой вопрос?

– Магнатом-человеком.

Джайлс покачал головой, удивленный, но при этом сбитый с толку.

– Ваша светлость, – прошептал кто-то ему на ухо. Он обернулся и увидел подошедшего Фрэнко, явно ожидавшего некоторое время возможности привлечь его внимание.

– Что тебе, Фрэнко?

– Вас хочет видеть капитан. Он обратился ко мне на упрощенном нашем языке, бейсике, и попросил позвать вас.

Когда Джайлс зашел за перегородку, закрывавшую кресла чужаков, кончики пальцев капитана покоились на книге, лежащей перед ним на предназначенном для нее месте. Рядом невозмутимо стоял инженер.

– Вы хотели поговорить со мной? – спросил Джайлс по-альбенаретски.

– Мунганф разобрался, что не так с нашей двигательной установкой.

– Я не сомневался в его компетентности.

Инженер сложил два пальца в жесте, означавшем «вы мне льстите», потом указал в сторону двигателя:

– С нашим энергогенератором все в порядке, искривитель пространства функционирует в пределах допустимых параметров. Неисправность в корректирующем излучательном двигателе, установленном снаружи. Его необходимо отремонтировать.

– Это возможно?

– Вполне. Здесь есть скафандр, и у меня есть все знания и инструменты, необходимые для ремонта.

– Замечательно. – Джайлс кивнул.

– Даже более того. Для меня это будет величайшая награда.

Инженер поднял с пола объемистую пластиковую упаковку и достал из нее скафандр. Когда он встряхнул его и протянул в сторону Джайлса, ткань захрустела.

– Посмотрите вот сюда и сюда, на швы. Они потеряли эластичность от времени, растрескались. От внутреннего давления воздуха они могут разойтись, и тогда тот, кто надел этот скафандр, погибнет в космосе. А поскольку необходимо сделать ремонт, то именно я должен надеть его!

Прежде чем Джайлс сумел что-либо сказать, инженер затрясся от громкого и долгого смеха.

5

Джайлс подождал, пока смех стихнет, затем обратился к инженеру:

– Итак, Мунганф приближается к следующему Повороту Пути. Что ж, поздравляю.

– Еще рано говорить об этом с уверенностью, – сказал инженер. Он повернулся и взглянул на темное, испещренное морщинами лицо другого чужака. – Кроме того, много времени и пути через пространство она была моим капитаном, и мне будет одиноко идти дальше без нее. Но поскольку причиной дефекта скафандра в конечном итоге надо считать взрыв, уничтоживший наш звездолет, моей ответственности в происходящем нет, и я могу надеяться на достойное завершение.

– Мунганф прожил достойную жизнь и теперь может совершить следующий шаг, – сказала капитан. – Но не будем обсуждать это сейчас, Мунганф. Происходящие события величайшей значимости человек видит словно бы через густой туман. Людям непонятны наш Путь и его значение.

– Это действительно так, – сказал инженер, оглянувшись на Джайлса. – В данную минуту я сожалею об этом. Но пусть говорит мой капитан.

– Я позвала вас сюда не ради Мунганфа, – обратилась капитан к Джайлсу. – Мне требуется ваша помощь. Причем именно лично ваша. Я не могу доверить это никому из ваших рабов.

– Они не рабы, – медленно и четко произнес Джайлс. – Не мои и не кого-либо еще.

– Они живут только для того, чтобы работать, размножаться и умирать. Другого термина для обозначения таких существ я не знаю. Пойдемте, я покажу вам, что нужно сделать.

Она прошла мимо него и повела к воздушному шлюзу. Слева от внутренней двери губчатое покрытие стены было отодвинуто, открывая большую панель, на которую капитан надавила, а затем сдвинула в сторону, открывая приборный щиток с экраном и двумя углублениями прямо под ним, размером с кулак.

– Суньте ваши руки в отверстия, – приказала капитан.

Джайлс подошел и сделал это. В каждой нише оказалось по вертикальному стержню, закрепленному у основания, а в остальных отношениях свободно вращающемуся, с углублениями под три пальца альбенаретской руки. В каждом углублении имелся как бы подпружиненный неострый шип, уходящий при нажатии внутрь.

Как только он коснулся стержней, экран включился, и на нем появились два манипулятора, каждый с тремя металлическими пальцами, а за ними секция внешней обшивки шлюпки. Когда он пошевелил стержнями и попробовал давить на шипы, манипуляторы потянулись вперед и задвигались в разные стороны, а металлические пальцы на них согнулись. Очевидно, он управлял чем-то, установленным на корпусе снаружи, инопланетным эквивалентом уолдо – механические руки, движение которых полностью зависело от его собственных рук, лежащих на рычагах управления и нажимающих на шипы.

– Я буду нужна у главного пульта управления, – сказала капитан, – чтобы переключать двигатель на разные режимы, пока инженер будет с ним работать. Оттуда я могу перемещать крепление этих манипуляторов по корпусу. Но управлять ими придется вам – и если потребуются, используйте их, чтобы перенести инженера внутрь, если он так и не сможет справиться с ремонтом или если ему не удастся вернуться в шлюз самостоятельно.

– Мне нужно попрактиковаться, – сказал Джайлс. – Незнакомая мне система и не предназначена для моих рук.

– Для этого еще будет время, – сказала капитан. – Сперва нужно провести подготовку. Для размещения необходимого оборудования потребуются вся кормовая секция этого судна, от шлюза и далее до конца. До особого разрешения все ваши люди должны держаться отсюда подальше.

– Я позабочусь об этом, – сказал Джайлс.

Он прошел в сторону кормы, туда, где трудяги установили последнюю панель, создающую как бы комнату, в которой размещался конвертор и пресс, а всю стену заполняла лоза жизнеобеспечения. В этой же комнате стояли две койки – Фрэнко и Ди. Молодая пара устроилась здесь при молчаливом согласии всех остальных, поскольку за этой перегородкой было максимальное приближение к уединенности, какое возможно на спасательной шлюпке. По сути, конечно, лишь иллюзия уединенности – перегородка пропускала все звуки, и малейшее движение или шепот мог услышать любой любопытствующий.

Когда Джайлс вошел, кроме них двоих никого тут не было. Они сидели на своих койках лицом друг к другу, взявшись за руки, и перешептывались между собой.

– Фрэнко... Ди... Прошу прощения, но мне придется на некоторое время лишиться вас укромного уголка. Инженеру требуется выйти наружу, чтобы провести ремонтные работы, и вся эта часть корабля будет использована для размещения вспомогательного оборудования. Можете вернуться сюда, когда все закончится. Можете занять пока мою койку и достать и поставить рядом с ней еще одну из запасных.

Оба со смущенным видом встали.

– Хорошо, ваша светлость, – сказал Фрэнко. – А сколько это продлится?

– Не дольше, чем будет необходимо, – ответил Джайлс. – Вообще-то это дело нескольких часов. У вас что-то случилось? Какие-то проблемы?

– У Ди как обычно, сэр, – сказал Фрэнко. – Ее прежние проблемы со сном остались даже здесь, наедине со мной. Ей снятся кошмары – и всегда снились, – и потому она боится заснуть. Ничего не удастся с этим поделать, ей совсем не удастся отдохнуть.

– Сочувствую, но с этим помочь не могу. Будь это земной корабль, здесь наверняка нашлись бы лекарства, и тогда я смог бы дать ей что-нибудь, чтобы уснуть. Но, увы, это не так. Я пушу вас сюда сразу, как только это будет возможно.

Огорченные Фрэнко и Ди поднялись со своих коек и послушно двинулись к выходу из огражденного пространства.

– И передайте всем остальным, – сказал Джайлс, повысив голос, так что «все остальные» могли и сами прекрасно это слышать, – что никто не должен даже смотреть в эту сторону до тех пор, пока я не разрешу. Альбенаретцы требуют соблюдения тишины, и я обещал им это. Все люди должны держаться отсюда подальше. Это приказ.

– Хорошо, ваша светлость, – хором ответили Фрэнко и Ди, исчезая.

Едва они вышли, в проем вступила капитан и замерла, осматривая помещение.

– Здесь ничего не повреждено, – сказала она Джайлсу по-альбенаретски. – Это хорошо. Инженер уже занимается приготовлениями. Я подготовлю это место. Вы можете идти. Когда я позову вас, можете вернуться.

Хотя Джайлс с пониманием относился к словам капитана, выбор выражений вызвал у него инстинктивное раздражение.

– Если вы позовете меня, – сказал он ледяным тоном на прекрасном альбенаретском, – мое чувство долга заставит меня откликнуться на ваш зов.

Темные круглые глаза капитана уставились на него. Он не мог прочитать в них никакого выражения. Удивлена ли капитан, безразлична или рассержена – этого понять он был не в силах.

– Я позову вас только при крайней необходимости, – сказала она. – Идите.

Джайлс вышел и вернулся к люку и открытой панели, где ему предстояло работать. Он сунул руки в отверстие, взялся за стержни и стал экспериментировать, упражняясь в управлении. Поначалу все его действия были неуклюжими: у альбенаретских уолдо, как и на их руках, всего по три пальца, сходящихся под углом 120 градусов. Их невозможно свести точно друг против друга, как большой и указательный палец у человека, и несмотря на то что пальцы альбенаретцев заметно сильнее, это обстоятельство ослабляло захват.

Наконец он приспособился пытаться хватать не пальцами, а всей рукой. Эта концепция подразумевала, что он всякий раз давит одновременно на все три шипа, и результат стал похож на хватку альбенаретцев.

Он практиковался, отрабатывая эти движения, когда почувствовал движение рядом и, повернув голову, увидел Бисет, ожидавшую, когда он обратит на нее внимание. Он прекратил упражнения.

– Хочешь со мной поговорить? – спросил он.

– Прошу вас, ваша светлость, не прерывайтесь, – сказала она. Немного помедлив в нерешительности, перешла с бейсика на другой язык и спросила на нем: – Ведь на эсперанто вы говорите, да?

Пока она медлила, Джайлс вернулся к своим экспериментам, но от внезапной смены языка ему не удалось тот трехпалый захват, который он вроде бы уже хорошо освоил. Рефлекторно он ответил ей на том же языке, на котором прозвучал вопрос:

– *Su, jes me bonege parloas Esperanto!*¹

Затем замолчал, отпустил оба стержня и повернулся, чтобы посмотреть на нее.

– Откуда ты его знаешь? – спросил он на бейсике, понизив голос. – Это старый международный язык. Я сам заинтересовался им около пяти лет назад. Откуда трудяга вообще может его знать?

– Сэр, прошу вас, – сказала она все еще на эсперанто, – продолжайте работать. Тогда остальные сочтут, что не могут правильно разобрать слова из-за шума механизмов.

Он вернулся к упражнениям с уолдо.

– Я спросил тебя, – сказал он на эсперанто, – откуда трудяга может знать этот язык, да и вообще любой язык помимо бейсика? Земные языки прошлых времен изучаются только в высших учебных учреждениях, если только ты не родилась там, где на нем когда-то говорили; но на эсперанто нигде не говорили.

– Я – особый случай, – сказала она.

Не отрываясь от экспериментов со стержнями, он повернул голову и посмотрел на нее. Худое осуждающее лицо оказалось всего лишь в нескольких дюймах. Как и у Мары, в нем

¹ Да, хорошо знаю эсперанто.

проглядывали признаки аристократической изысканности. Когда-то, должно быть, она была вполне симпатичной.

– Да, – сказала она, как будто услышав его мысли, – я не вполне обычная. Выросла в хорошей семье. Но об этом как-нибудь в другой раз. Сейчас главное, что вы должны узнать: что на борту член «Черного четверга».

Джайлс тут же предельно насторожился. Внешне он остался спокоен и продолжал управлять манипуляторами, но прежде чем Бисет успела продолжить, голос капитана позвал его на бейсике из носовой части шлюпки:

– Человек! Идите сюда!

Джайлс оторвался от приборного щитка и сказал:

– Оставайся здесь. Я поговорю с тобой позже.

Он миновал все перегородки, не обращая внимания на вопросы и озадаченные взгляды трудяг. Капитан и инженер стояли в носовой части, причем инженер уже облачился в скафандр. В полунадутом состоянии скафандр стал достаточно прозрачным, чтобы ясно различать внутри него руки и ноги. При ненадетом шлеме голова инженера торчала из шейного кольца, как темная косточка, выдавленная из мутной виноградины.

– Вы командир на этом корабле, – обратился Джайлс к капитану на альбенаретском, – поэтому во имя общих интересов я стараюсь многого не замечать. Тем не менее откровенная невежливость по отношению ко мне будет вызывать такую же реакцию. Когда обращаетесь ко мне на нашем языке в присутствии других людей, постарайтесь использовать вежливую форму обращения, иначе я не буду отзываться. У меня есть определенный статус, который я как лидер этих людей должен поддерживать. Это понятно?

– Воистину понятно, о благороднейший из людей, – ответила капитан. – Отныне, обращаясь на вашем языке, я буду называть вас «магнат». А теперь помогите мне – нужно обмотать скафандр так, чтобы даже в случае небольшой утечки инженер смог продолжить работу.

Она протянула Джайлсу что-то вроде коротких кусков пластикового шнура с металлической жилкой внутри – нечто среднее между веревкой и проволокой. На каждом с одного конца имелся зажим странной формы, и длины шнура хватало, чтобы дважды или трижды обернуть вокруг ноги или руки инженера, затем сунуть свободный конец в зажим и защелкнуть. Теоретически это было не трудно, но в слабом поле гравитации шлюпки оказалось непростым делом. Лучше всего получалось, когда инженер лежал горизонтально на одной из коек, но если Джайлс или капитан тянули или толкали, обматывая шнуром или закрепляя его, тело дергалось и подлетало в воздух. Вскоре они убедились, что наибольшая польза от Джайлса получается тогда, когда он просто удерживает тело инженера, пока капитан обвязывает скафандр.

Когда они закончили и инженер встал на ноги, придерживаясь рукой, как обычно делали все, за опорную скобу, каких было много на потолке и на стенах, он походил на фигуру, составленную из огромных колбасных обрезков. Обвязки сжимали скафандр не настолько туго, чтобы не пропускать воздух внутри него, но в случае утечки их сдавливания будет достаточно, чтобы создать уплотнение.

Во всяком случае, на это надеются чужаки, подумал Джайлс, осматривая инженера, когда они закончили. Но ему не верилось, что эти обвязки окажутся эффективны в случае разрыва скафандра. Внезапно его осенило, что такое обвязывание, возможно, всего лишь ритуал, попытка защитить инженера в безнадежной ситуации. Подобный непрактичный жест вполне мог иметь смысл для представителей этой расы, поклоняющейся смерти. И все же это казалось Джайлсу странным.

– Хорошо, магнат, – сказала капитан. – Идемте с нами. Я выпущу инженера через шлюз и вернусь к главному пульта. Вы займетесь своей частью работы.

Они двинулись к корме мимо трудяг, с интересом следящих за тем, как магнат и капитан помогают инженеру неуклюже передвигаться в распухшем скафандре и с надетым уже шлемом-аквариумом.

Капитан надавила кнопку открытия шлюза, и внутренний люк открылся. На всех поверхностях внутри шлюза мгновенно образовался иней из-за того, что в него проник теплый воздух атмосферы шлюпки. Капитан обернула свои трехпалые руки пластиком, чтобы защитить их от ледяного холода металлических поверхностей, и занялась присоединением фала – группы гибких шлангов для подачи воздуха, тепла и энергии – к скафандру инженера.

Наконец она с этим справилась. Она отступила назад, и внутренний люк шлюза закрылся. Не сказав ни слова, капитан повернулась и отправилась в носовую часть, к главному пульту управления. Сам Джайлс подошел к своему приборному щитку и сунул руки в отверстия.

На экране, который снова ожил, как только Джайлс коснулся стержней, он увидел секцию корпуса с открытым наружным люком шлюза и фигуру инженера в скафандре, медленно выплывающую из шлюза. Через корпус проник снаружи скрежещущий звук, когда ботинки инженера на магнитной подошве клацнули о корпус и попеременно задвигались: инженер зашагал к корме. На экране перед Джайлсом теперь была его раздутая фигура, а к ней тянулся фал. Спустя некоторое время послышался другой скрежет, и уменьшившаяся фигура инженера стала снова расти в размерах – то, на чем крепились манипуляторы и глаз системы управления ими, также заскользило по корпусу, догоняя ее.

Этим передвижением по поверхности корпуса явно управляла капитан. Джайлс понял, что сейчас от него ничего не требуется, и терпеливо ждал. Платформа с манипуляторами в конечном итоге остановилась прямо за спиной инженера, который на самой корме медленно снимал кожух с корректирующего двигателя.

Джайлс на всякий случай осторожно двинул вперед одну из своих механических рук, чтобы быть готовым помочь фигуре в скафандре.

– Стой! – Приказ капитана на альбенаретском прозвучал из приборной панели перед Джайлсом. – Магнат, пока я не скажу – ничего не делайте. Вы незнакомы с нашей техникой и скорее повредите двигатели, чем поможете. Повторяю, без моего приказа ничего не делать.

– Хорошо, – ответил Джайлс. Он ослабил пальцы, но не убрал их от стержней и стоял, наблюдая за происходящим на экране. Инженеру, очевидно, предстояло снять большую часть одного из двигателей чтобы добраться до того, что требовалось отремонтировать. Дело шло медленно – не только из-за большого объема работы, но и ввиду неудобства скафандра и отсутствия гравитации.

– Сэр, – раздался где-то возле его локтя голос Бисет на эсперанто. Джайлс уже совершенно забыл о начале разговора. Теперь он вдруг все вспомнил и повернулся, чтобы посмотреть на нее, не отрывая рук от стержней.

– Ах, да, – сказал он на эсперанто, – ты собиралась рассказать мне, откуда знаешь эсперанто.

– Нет, сэр, я собиралась предупредить вас, что здесь, на борту...

– Сначала о более важном, – спокойно перебил ее Джайлс, тоном давая понять, что возражать ему не следует. – Прежде всего я желаю знать, где ты выучила этот язык, а самое главное, откуда узнала, что им владею я?

– Что касается языка, то мне прочли спецкурс. Что касается знания о вас, ваша светлость, мне об этом сообщили. И то и другое было сделано исключительно для того, чтобы я могла общаться с вами наедине, как сейчас. Теперь же позвольте рассказать вам...

– Ах, да, о «Черном четверге». – У него было лишь несколько секунд, чтобы собраться с мыслями после ее второго появления, и он решил, что лучшей стратегией будет пойти ей отчасти навстречу, а то и начать вести в этом обмене информацией. – Что кто-то из этой группы на борту шлюпки.

Ее глаза стали маленькими и острыми.

– Вы знаете об этих революционерах?

– Да, немало слышал о них, – беспечно сказал он. – В молодости я и сам был в каком-то смысле революционером, пока учеба не стала занимать почти все мое время...

– Да, мы знаем, что вы дружили с Полом Окэ и были членом так называемого «фило-софского кружка». Но вы порвали с ним несколько лет назад.

Джайлс сурово взглянул на нее.

– Бисет, – сказал он тоном магната, разговаривающего с трудягой, – мне кажется, ты забыла о хороших манерах.

Она не съежилась; напротив, стала более жесткой.

– Прошу извинить меня, ваша светлость, но про это я никогда не забываю. Я вам говорила, что выросла в хорошей семье. При других обстоятельствах... я могла бы стать ее членом.

Это многое объясняло – и подобное же, вероятно, было причиной особенностей Мары и признаков ее хорошего воспитания. Джайлс почти с жалостью посмотрел в ее напряженное лицо. Если для трудяги, выросшего в семье магнатов на правах любимой собачки, жизнь была нелегка, то для полукровок, незаконнорожденных, она была куда тяжелее. Им не было места среди магнатов, и ходили слухи, что обычные трудяги ненавидят и презирают всех тех в своей среде, в ком течет кровь магнатов.

– Извини, Бисет, – сказал он мягче, – но твои вопросы становятся слишком личными.

– Я спрашиваю не из любопытства, – сказала она, и ее блеклые глаза блеснули подобно льдинкам, попавшим под лучи солнца, пробившиеся сквозь облака. – Я представляю интересы полиции.

От этого у него внутри отчасти похолодело, но внешне он ничем не выдал своей реакции.

– Понятно, – спокойно сказал он. – Это, конечно, меняет дело. Однако ты сообщаешь нечто странное. С какой стати трудяге-революционеру отправляться на Белбен? Ему следовало бы оставаться на Земле, где он будет полезнее своей организации.

– Нам пока неизвестно, зачем он туда отправился, – сказала она. – Но это факт, что многие колониальные миры зачастую вовсе не торопятся сообщать Всемирной полиции о прибывших туда преступниках. О чем свидетельствует, например, случай с вашим приятелем Полом Окэ – он тоже, судя по всему, перебрался на один из таких миров.

Итак, подумал Джайлс, полиция разделяет со штурмовиками Окэ предположения о местопребывании Пола. Значит, нужно найти его раньше полиции, иначе шансов убить Пола не останется. По закону полиция ограничена лишь теми методами воздействия, которые не вредят преступнику. Их методы убеждения хорошо действуют лишь на ограниченные умы трудяг. Поскольку им ни за что не побороть волю и могучий интеллект такого наследственного магната, как Пол, тот, фактически пребывая под охраной полиции, останется символом для трудяг-революционеров, которые продолжают вербовать себе сторонников от его имени».

– В самом деле? – сказал после паузы Джайлс. – И как же он туда попал?

– Ему помогли люди «Черного четверга». Их человек на шлюпке может быть даже посланным к нему курьером.

– Вот как?

Сказанное внезапно заинтересовало его. Если эта женщина права и он сможет узнать, кто именно курьер «Черного четверга» раньше нее, то курьер может привести его прямо к Полу. Конечно, это означает, что ему придется покровительствовать члену этой банды достаточно долго, чтобы тот смог вступить в контакт, и даже убить Бисет, если придется. Его глубокие внутренние устои вдруг воспротивились этой мысли. Убить равного себе и ценного представителя своего класса, как Пол, само по себе очень плохой поступок. Убить же беззащитного трудягу, одного из тех, кем он и его семья руководит многие поколения, стремясь привести к тому дню, когда миром перестанет править жестокая необходимость – это и вовсе...

Джайлс заставил себя перестать думать об этом. Он сделает всё, что потребуется. От необходимости не сбежишь. Если нужно убить трудягу, чтобы добраться до Пола, он ее убьет... раз уж этого требует долг.

– Ваша светлость, – прозвучал голос Бисет у самого его уха, – вы меня слушаете?

– Что? А, извини, мне нужно следить за экраном. – Джайлс кивнул на экран на своем приборном щитке, на котором инженер продолжал копаться в двигателе шлюпки.

– Конечно, я и забыла. Пожалуй, это вы простите меня, сэр, но дело очень важное. Хотя у меня пока что нет доказательств, кто именно на борту из «Черного четверга», но я совершенно уверена, что это девушка по имени Мара.

– Мара?! – Он произнес это имя несколько громче, чем хотелось бы.

– Да, сэр. Именно поэтому я и говорю с вами сейчас. Мне нужны точные доказательства или ее признание в этом какому-либо третьему лицу; однако лишь на Белбене я смогу задержать ее для предварительного допроса; но вы бы удивились, узнав, как стойко способны держаться некоторые из этих трудяг-революционеров, избегая полноценного признания, пока мы ограничены средствами, допускаемыми законом при предварительном допросе.

– Конечно, – пробормотал Джайлс, в голове у него все смешалось. – Я помогу вам всем, чем смогу.

– Незачем магнату впутываться в это... – сказала Бисет, но он ее почти не слышал. К собственному удивлению, какая-то часть его сознания решительно отвергала мысль о возможной причастности Мары к организации «Черный четверг». Их название восходило к тому дню, когда группа наивных трудяг, пребывающих в плену самообмана, организовала бессмысленную попытку ворваться на сессию Совета магнатов – верховного органа всей Земли. Толпы трудяг несли плакаты и транспаранты с надписями, призывающими Совет ограничить сроки пожизненных рабочих контрактов, необходимых для низших классов для получения образования.

Демонстранты, естественно, были безоружны... все, за исключением одного. Один юноша взял с собой полицейское короткоствольное оружие, украденное им со склада, где он работал кладовщиком. У него хватило глупости достать это оружие, из которого он, вероятно, и стрелять-то не умел, и размахивать им. Естественно, стражи порядка открыли огонь, и вся колонна протестующих обратилась в дымящиеся руины.

Случилось это в четверг, и вот недавно возникшая хитрейшая и скрытнейшая организация выбрала себе название «Черный четверг». Они вовсе не ограничивались плакатами. Ходили слухи, что члены этой организации поголовно вооружены, а те немногие, кого удалось захватить полицией, якобы имели капсулы с ядом и воспользовались им сразу же после ареста, до того, как их смогли допросить.

«Худшая разновидность фанатизма, – подумал Джайлс, – заставляющая мужчин и женщин – пусть даже и трудяг – выбирать смерть, нежели избавление от своего заблуждения и возврат к рациональной и полезной жизни». Как он ни старался, ему не удавалось увидеть в Маре такой иррациональности. Он вспомнил, как она улыбалась, говоря, что сбор ягод – далеко не самая сложная работа на свете. Человек из «Черного четверга», носящий с собой яд, не может так улыбаться. Нет, такое просто невысказано...

Джайлс прервал свои мысли.

– Извини, – сказал он Бисет, – я тут отвлекся на инженера... Так что ты там говорила?

– Я говорила, ваша светлость, что нет необходимости вам лезть во все это самому, совершая нечто не подобающее магнату. Девушка она молодая, а вы – противоположного пола, да еще из высшего сословия. И не будет ничего удивительного, если магната... – Как ни странно, но ее голос дрогнул. Она резко взяла себя в руки и продолжила: – Ничего удивительного, если магната влечет – временно, конечно, – к трудяге. И конечно же, люди из «Черного четверга» считают себя ничем не хуже магнатов. Уверена, ваша честь, что если вы не отвергнете ее, когда

она наконец дойдет до заигрываний с вами, то довольно скоро она почувствует себя свободнее. Как только она скажет что-нибудь компрометирующее, передайте это мне. Обо всем остальном я позабочусь.

– А ты уверена, что она почувствует себя... свободнее, по твоему выражению?

– Абсолютно уверена, – решительно заявила Бисет. – Ни один человек... извините меня, сэр, ни один наследственный магнат не знает их так, как я. Они душу продадут, чтобы пробраться в высший класс.

Джайлс посмотрел на ее плотно сжатые губы. «Возможно, она права, – мрачно сказал он себе, – но почему-то противно слушать, когда она говорит об этом такими словами. Что ж, долг есть долг, и в данном случае вывести «Черный четверг» из игры в интересах как полиции, так и штурмовиков Окэ. Но кто бы мог подумать, что эта прелестная, такая жизнерадостная Мара...»

Внезапно в его голове взорвалась новая мысль. Он пристально посмотрел на Бисет:

– Секунду, мы кое-что забыли. Ты говоришь, что ты из полиции, и мне приходится верить на слово, как в это, так и в то, что ты сейчас рассказала. Но возможно, что ты сама из «Черного четверга», а Мара – из полиции.

– Конечно, сэр. Именно так, – ответила она.

Ее пальцы скользнули к язычку застежки-молнии комбинезона и, помедлив секунду, потянули его вниз не больше чем на пару дюймов. Ворот комбинезона раскрылся и обнажил тонкую, охваченную шнурком шею, в целом остающуюся в тени. В глубине этой тени светилось что-то крошечное, зеленый колеблющийся огонек.

Джайлс с интересом уставился на это. Он слышал о полицейских иденти-спорах, но никогда их не видел. Перед ним, насколько он знал, был миниатюрный пузырек из идеально прозрачного вещества, внутри которого жила особая спора, выращивание которой было одним из самых тщательно охраняемых секретов Совета и полиции. Пузырек крепился к коже на шее Бисет специальным физиологическим клеем, и тончайшая трубочка соединяла его с ближайшим капилляром. Через эту трубочку кровь питала спору, и та светилась – пока оставалась живой – особым уникальным огоньком, непохожим на цвет ее сестер.

Лишенная связи с кровотоком, эта спора погибнет, и пузырек перестанет светиться. Если ее немедленно подсоединить к системе кровообращения другого человека, она все равно погибнет. Она возвращена на индивидуальной биохимии Бисет, и биохимия любого другого тела для нее яд.

– Моя идентификационная карточка, – сказала она.

Джайлс опустил взгляд и увидел в ее руке маленькую белую карточку, покрытую слоем того же идеально прозрачного вещества – материала, делавшего подделку почти невозможной. Типичная идентификационная карточка обычного трудяги, но только один угол ее был окрашен в зеленый цвет. Джайлс взял карточку из ее руки и поднял так, что цветной уголок оказался лишь в нескольких сантиметрах от крошечной живой драгоценности на ее шее. Цвета совпали.

– Да, – сказал он, вздохнув чуть глубже обычного. – Благодарю. Теперь я тебе верю.

Он вернул ей карточку. Она взяла ее одной рукой, другой застегивая ворот комбинезона.

– Так я могу рассчитывать на вашу помощь, ваша светлость?

– Да, – неохотно ответил он, – можешь рассчитывать. Погоди... – Она уже начала поворачиваться, но внезапная резкая нота в его голосе заставила ее замереть. – Полиция служит Совету, а Совет представляет наследственных магнатов. Здесь я единственный магнат. Так что ты обязана делать то, что я прикажу – и я запрещаю тебе арестовывать или допрашивать кого-нибудь на шлюпке, не получив предварительно моего согласия. То есть прежде чем сделать что-нибудь подобное, ты должна согласовать действия со мной. Это понятно?

Ее лицо было непроницаемым. Она колебалась только секунду, но как раз в этот момент раздался голос капитана:

– Действуйте! – внезапно выкрикнула она на альбенаретском из приборного щитка. Джайлс встрепнулся. Он позволил себе отвлечься, будучи успокоенным непониманием цели большинства действий инженера. Теперь он внезапно осознал, что воспринимавшееся им краем глаза за непрерывную работу фигуры в скафандре превратилось в бесцельное шарканье по установленному на место кожуху двигателя.

– Магнат! – сказала капитан. – Вы меня слышите? Теперь нужны ваши действия. Воспользуйтесь захватами, чтобы взять инженера. Сейчас осторожно... за тело... осторожно...

Джайлс лихорадочно манипулировал стержнями и шипами. Альбенаретские манипуляторы уподоблялись земным только в том смысле, что многократно усиливали управляющие ими руки из плоти и крови; Джайлс сосредоточился на попытках обхватить инженера как можно аккуратнее за то, что по человеческим понятиям было бы талией.

Он действовал чересчур осторожно. Обхватив тело инженера всеми шестью пальцами, он все-таки упустил его. Скафандр отплыл от захватов и завис над корпусом шлюпки, удерживаемый только фалом. Джайлс попытался схватить его, но инстинктивно использовал два пальца вместо трех – и снова инженер отплыл от захватов.

Голос капитана надрывался в динамике приборного щитка, но Джайлс был слишком поглощен работой, чтобы слушать и переводить сказанное. Он предпринял очередную попытку, аккуратно управляя всеми тремя пальцами на каждой металлической руке, и на этот раз надежно ухватил тело инженера.

Снаружи послышался скрежет, и на экране Джайлса двигателя стали уменьшаться по мере того, как капитан перемещал механизм с манипуляторами обратно к воздушному шлюзу.

– Внимание, магнат! – произнес голос капитана из приборного щитка, и на этот раз Джайлс услышал и понял его. – Сейчас труднейшая часть. Нужно затолкать его в шлюз и следить за тем, чтобы он не выплыл обратно, когда я стану закрывать внешний люк.

Джайлс хмыкнул. Конечно, любой альбенаретец справился бы с этим без особых хлопот. Но для неопытного землянина это все равно что балансировать вертикально стоящей тарелкой, а затем попытаться поставить другую тарелку сверху поперек первой. Ему придется отпустить инженера обеими уолдо, надеясь, что тот не улетит куда-то от шлюза, а затем перехватить его как-то по-другому, чтобы смочь направить его в шлюз. Если он ошибется и не схватит инженера сразу, то его отнесет куда-нибудь в сторону и придется снова ловить. И при этом чужак если еще не умер, то с каждой минутой все ближе к смерти.

Где-то на периферии сознания Джайлс отметил комизм ситуации. Он выбивается из сил, стараясь спасти существо, для которого смерть в космосе – величайшее благо! Однако, как ни странно, воззрения альбенаретцев не имели в данный момент для Джайлса никакого значения. Он же не альбенаретец, а человек. А для людей характерно сражаться со смертью, своей или любого живого существа, находящегося на твоём попечении, пока есть надежда, до самого последнего рубежа.

Джайлс осторожно выпустил тело из хватки металлических пальцев. Затем быстрым поворотом стержней расположил манипуляторы под другим углом к инженеру и придвинул их, чтобы еще раз сомкнуть на нем все шесть пальцев.

Инженер уже начал отплывать от шлюпки, но Джайлс, сосредоточившись и действуя на адреналине, сумел точными движениями ухватить его всеми пальцами металлических рук. С секунду он переводил дух, а потом принялся медленно опускать инженера в воздушный шлюз.

Все прошло довольно гладко, однако заметная часть фала осталась снаружи и плавала в космосе. Он помешает люку закрыться, если не запихать его внутрь.

Джайлс решился на риск. Он прекрасно понимал, что не способен пользоваться двумя этими руками по отдельности, поскольку вообще не практиковался в этом. Но теперь, когда

инженер уже был в шлюзе, нужно не позволить ему выплыть обратно наружу. Осторожно придерживая тело одной рукой, Джайлс другой потянулся к фалу.

На мгновение он ощутил отчаяние и раздвоение внимания, как любой человек, пытающийся одной рукой похлопывать себя по голове, при этом другой рукой потирая живот круговыми движениями. Затем его механические пальцы подцепили фал и затянули его в шлюз.

Как только они оказались внутри, внешний люк начал закрываться. Капитан явно наблюдала за происходящим и не собиралась терять ни секунды. Когда внешний люк задвинулся настолько, что стало ясно, что ни фал, ни сам инженер уже не выплывут наружу и не заблокируют его, Джайлс отвел оба уолда, оторвал ноющие руки от стержней, высвободил их из отверстий, повернулся и привалился к корпусу спасательной шлюпки, тяжело дыша. Его одежда пропиталась потом и липла к телу.

Капитан была права. То, что он сделал, было недоступно для трудяги. Эта работа требовала не только здорового организма, но и стальных нервов и тренированной психики, чтобы хорошо координировать все движения своего тела... Внезапно Джайлс осознал, что он не один. Похоже, все трудяги, кто здесь был, с Марой и Бисет в первом ряду, сгрудились у начала прохода, образованного установленной вдоль шлюпки перегородкой, и молча наблюдали за ним.

Он открыл было рот, чтобы приказать им вернуться на свои места, но шипящий бейсик капитана опередил его:

– Назад! Прочь! Магнат, прикажите своим людям убраться с нашего пути и помогите мне, когда я открою люк.

– Вы слышали приказ! – выдохнул Джайлс. – Уходите. Сядьте на койки. Не мешайтесь на проходе. Через минуту мы пойдем с инженером, и я хочу, чтобы путь был свободен!

Они растаяли у него на глазах. Он повернулся, чтобы присоединиться к капитану, но та жестом остановила его.

– Стойте! – сказала она на своем языке. – Не касайтесь его, это опасно!

Джайлс понял, что она права, когда внутренний люк шлюза медленно открылся, и он увидел инженера. Скафандр его был покрыт инеем, как и все внутри шлюза, когда они открывали его перед этим. Капитан шагнула в шлюз и потянулась к инженеру руками, снова обернутыми в пластик. Неловко, но быстро она отсоединила фал и вытащила неподвижное тело через люк в спасательную шлюпку.

– Идите впереди меня, – сказала она Джайлсу. – Убедитесь, что в задней части корабля никого нет. Когда мы дойдем туда, его скафандр достаточно прогреется, чтобы к нему можно было прикасаться.

– Понятно, – сказал Джайлс. Он поспешно прошел впереди двух чужаков в заднюю часть спасательной шлюпки, и капитан, следуя за ним, положила тело инженера на койку, принадлежавшую ранее Ди, и зафиксировала на ней свисающими с пояса скафандра ремешками для инструментов.

– Теперь можно...

Она сняла с рук пластик, осторожно зажала в трехпалых руках шлем и стала поворачивать его, пока тот не отщелкнулся. Послышалось шипение всасываемого воздуха, и затем шлем, все еще покрытый инеем, выпал из рук капитана. Они с Джайлсом уставились на лицо инженера.

Джайлс мало что понял в увиденном. Глаза инженера были закрыты, и темная кожа приобрела пепельный оттенок, словно ее слегка припудрили. Человек не знал, по каким признакам определить, дышит инженер или нет.

– Как он? – спросил Джайлс.

– Нормально. Какая-то жизнь еще осталась, – почти рассеянно ответила капитан. Ее руки снова по скафандру, раскрывая замки и расстегивая застежки. – Магнат, на койке позади

вас лежат различные инструменты, среди них есть кусачки. Снимите с их помощью обвязки с рук и ног инженера. Не пытайтесь раскрывать зажимы, просто обрежьте. Это понятно?

– Понятно.

Джайлс обернулся и увидел кусачки, о которых говорила капитан.

Разрезая шнуры, он убедился своими глазами, что древний скафандр и впрямь не выдержал. В той части, где туловище, дырок не оказалось, но на руках и ногах, обвязанных шнурами, на каждой была по меньшей мере одна протечка. Обвязки в каждом случае сделали свое дело, однако в тех сегментах, где воздуха не было, тело оказалось вздуто и выглядело отвратительно. Разрезая стяжки, Джайлс невольно коснулся нескольких таких мест, и они легко проминались под его пальцами, как вздувшиеся волдыри.

К тому времени, как Джайлс разрезал все обвязки, капитан успела снять скафандр с верхней части туловища инженера. Через несколько секунд скафандр был снят полностью, и на инженере остались только пояс и пара перехватывающих тело ремней, составляющие обычную корабельную одежду альбенаретцев.

Глаза инженера оставались закрытыми. Он не проявлял ни малейших признаков понимания, что его вернули на спасательную шлюпку и о нем заботятся. Он не шевелился, только пару раз издал какой-то глубоко гортанный шипящий звук.

– Что с ним? Он жив? – спросил Джайлс.

– Он умирает, – ответила капитан. Затем резко повернулась к Джайлсу. – Теперь уходите. Держите своих людей подальше от кормы. Я не хочу, чтобы они здесь были. Не хочу, чтобы они заглядывали сюда. Это понятно? Последние минуты жизни альбенаретца – не зрелище для чужаков.

– Я ухожу и сюда, конечно же, никого не пущу. – Он повернулся и вышел из огражденной части шлюпки туда, где его ждали трудяги. Позади внезапно раздался металлический скрежет. Оглянувшись, он увидел, что проход к корме дополнительно перекрыт поставленной вертикально койкой Фрэнко, для чего ее опоры были варварски погнуты.

Однако койка не полностью закрывала проход. Со стороны корпуса шлюпки осталась достаточно большая щель, чтобы мог пролезть человек, если бы захотел. Но она не позволяла видеть чужаков, стоя в средней части шлюпки, и служила напоминанием о требовании капитана.

– Надеюсь, вы все понимаете, что это значит? – сказал Джайлс трудягам. При этом с удивлением обнаружил, что его язык заплетается от усталости. Он указал на койку, перегораживающую проход. – Капитан запретила всем заходить туда и даже заглядывать. Я добавляю к этому мой запрет делать это. Никто из вас не должен приближаться туда, а тем более украдкой...

Он вдруг замолчал. Впервые с того момента, как они вступили на борт шлюпки, бело-голубые светильники над головой, никогда не выключавшиеся, поскольку они требовались для поддержания лозы жизнеобеспечения, потускнели. Теперь они давали лишь слабый красноватый свет, и резкое уменьшение их яркости сделало всех людей почти слепыми на то время, пока глаза адаптировались.

– Повторяю, – продолжал Джайлс. – Держитесь подальше от кормы. Там нет ничего, что вам может понадобиться. – Он многозначительно кивнул на примитивный санузел в средней части корабля, огороженный панелями. – До дальнейших распоряжений все оставайтесь здесь и не шумите. Если кто нарушит приказ, вполне возможно, что ему придется иметь дело не только со мной, но и с капитаном, который, вероятно, примет свои меры – и не могу обещать, что в этом случае я смогу кому-то из вас помочь.

Джайлс повернулся, прошел, слепо выставив впереди руки, в огражденную часть и нашел там на ощупь свою койку. Взявшись руками за ее край, он сел на нее и откинулся назад. Сон моментально объял его.

Еще не успев проснуться, он уже вскочил на ноги и побежал. В воздухе стоял пронзительный человеческий крик. Освещение в шлюпке снова стало ослепительно-голубым. Неуверенно держась на ногах, он неся на крик – через выход из огражденного пространства и мимо группы трудяг, начинающих скапливаться возле перегороденного койкой прохода на корму. Проскочив мимо койки, отбросив ее в сторону, Джайлс ворвался в кормовую часть. Как только он это сделал, вопль прекратился, будто кричащему зажали рот.

Он оказался лицом к лицу с капитаном, державшей на длинных темных руках бесчувственную Ди, как сломанную куклу. Глаза девушки были закрыты, она безвольно обмякла. Инженера нигде не было видно, но капитан, пол вокруг и единственная оставшаяся здесь койка явно заляпаны темной кровью чужаков.

– Заберите ее, – сказала капитан, шагнув вперед и передавая ему бесчувственное тело девушки. – Она пришла сюда, несмотря на запрет, но я не причинила ей вреда.

Джайлс подхватил на руки Ди и остался стоять, глядя на капитана.

– А где инженер? – хрипло спросил он по-альбенаретски.

– Он с положенными почестями прошел в Последние Врата, – ответила капитан и вдруг перешла на бейсик: – Прошла та его часть, что составляла его личность. А оболочка, – она повернулась и кивнула в сторону конвертора, – могла быть использована и была использована.

Из-за перегородки донесся стон ужаса слышавших это трудяг. Джайлс посмотрел на конвертор. Его крышка была немного приоткрыта, и она достаточно велика, чтобы просунуть туда все тело инженера целиком. Необходимости расчленять труп не было. Он оглядел сваленные кучей инструменты и не заметил ни на одном из них следов крови.

– Чья это кровь? – спросил он по-альбенаретски.

– Человек! – сказала капитан. – Я устала от ваших вопросов и вопросов других людей.

Она резко устремилась в носовую часть корабля, едва не сбив его с ног. Трудяги расступились перед высокой фигурой, а потом все вошли в кормовую часть, разглядывая кровь, Ди и конвертор.

Джайлс осмотрел тело Ди сверху донизу. С обеих сторон шеи, ближе к затылку, начали проступать синяки: два с одной стороны и один с другой, явно оставленные очень сильной трехпалой рукой.

– Что случилось? – Это спросила Мара, стоявшая лицом к нему, поддерживая рукой голову остающейся без сознания Ди. – Фрэнко сказал, что ей снились кошмары. Должно быть, очнувшись от одного из них, она забыла, где находится, и отправилась искать свою койку. Но из-за чего же она кричала? Что она увидела?

– Бог его знает! – мрачно ответил Джайлс. И посмотрел на закрытые глаза на неподвижном лице Ди. – И если эти крики имели какую-то причину, вряд ли она захочет вспомнить, что это было, когда очнется. Возможно, мы никогда этого не узнаем.

6

Второй день, 16:15

Дилетантский прогноз Джайлса оказался верным. Когда Ди пришла в себя, на койке в средней части шлюпки, она ничего не помнила. Она казалась смущенной и неуверенной, как человек, пришедший в себя после приема сильнодействующего лекарства. Она плакала и прижималась к Маре или Бисет – кто был ближе. И пригрозила, что впадет в истерику, если к ней приблизится кто-нибудь из мужчин, даже Фрэнко, которого она словно бы совсем не узнавала.

В конечном счете две женщины стали сидеть с ней по очереди, и только так она смогла ненадолго погружаться в сон, иногда прерываемый криками. Постепенно яркость ее кошмаров, похоже, стала притупляться, и Ди удавалось спать дольше и при этом спокойнее. Но ей так и

не удалось припомнить ничего из того, что она увидела в кормовой части шлюпки. Последнее, что она помнила – как инженера пронесли на корму.

Фрэнко тем временем менее чем за сутки превратился из розовощекого подростка в бледного измученного мужчину на грани нервного срыва. Он не мог поверить, что Ди не желает его видеть, и готов был силой расчистить себе путь. Дошло до того, что Джайлсу пришлось поручить Хэму охранять Ди от посягательств Фрэнко.

Среди остальных же трудяг царил полный разброд. За исключением Хэма, которого ничуть не смущало использование тела инженера, и Джайлса, заставлявшего себя есть, никто не прикоснулся к ягодам лозы жизнеобеспечения. Естественно, никто не пил и сока, пока жажда не вынудила сделать это даже самых упорных. Но поскольку есть они по-прежнему отказывались, Джайлс собрал всех в огражденном панелями сегменте центральной части шлюпки.

– Послушайте меня, – сказал он. – Постарайтесь понять. Мы здесь одни, в межзвездном пространстве, вокруг световые года пустоты, и эта спасательная шлюпка – все, что у нас есть, наш единственный шанс попасть когда-нибудь снова на планету. Если нам удастся добраться куда-то живыми, то благодарить за это мы должны будем спасательную шлюпку и ее капитана... да и инженера тоже. Не отворачивайтесь, когда я говорю это! Постарайтесь выйти за рамки того, с чем вы росли, чему научились и что принимали как должное. Здешний замкнутый цикл с применением конвертора – по сути такой же, как на Земле в целом, только упрощенный... Смотрите на меня, я с вами разговариваю!

Бледные лица, смотревшие в разные стороны, повернулись к нему. Только это он и мог заставить их сделать – подчиниться прямому приказу. Удастся ли ему добиться того, чтобы они мыслили понятиями чуждых им обстоятельств? Что ж, хотя бы попытается...

– Я хочу, чтобы вы воспринимали происходящее, отбросив эмоции, – продолжил он. – Двигатель требовалось отремонтировать. Это непреложный факт. Инженер должен был выйти и отремонтировать его, даже сознавая, что, возможно, не выживет при этом. Это другой факт. Это стоило ему жизни, и капитан, чтобы вещества его тела не пропали даром, а пошли на пользу – нам, людям, а не исключительно только представителям его расы, – положил тело в конвертор, чтобы им воспользовалась лоза жизнеобеспечения. Вот таковы факты. Не чьи-то мнения, с которыми можно согласиться или нет, а факты. И кто не будет воспринимать их как факты, тому предстоит столкнуться с окончательным фактом: если вы не будете есть – вы умрете.

– Чтобы выжил он сам... – пролепетал кто-то.

– Кто это сказал? Эстебен? – Джайлс взглянул на говорящего. В отличие от прочих он не был бледен, а скорее даже слегка покраснел, и в глазах его читался вызов. – Что ты имеешь в виду – кто он сам?

– Да он – капитан! – сказал Эстебен уже громче. – Он тоже выживает благодаря ягодам лозы – и инженеру. Вот он и запихал того в конвертор, чтобы самому выжить, ваша светлость!

Последние слова были произнесены почти дерзко, но Джайлс не обратил на это внимания. Он старался привести в порядок собственные мысли, поскольку уже совсем забыл, что трудяги считают капитана мужчиной. На мгновение он задумался над идеей рассказать им правду об этом, но тут же отверг случайную мысль. Чем меньше на шлюпке внезапностей и смятения, тем лучше.

– Альбенаретцы не испытывают страха смерти, как мы, Эстебен. Ты же знаешь. Капитан руководствуется чувством долга, а не личным благополучием.

– Извините, ваша светлость, – обычно спокойный и смирный Эстебен вел себя почти враждебно, – но вы уверены в этом?

«Пора бы его осадить», – решил Джайлс.

– Если я что-либо говорю, Эстевен, – сказал он сурово и строго, – ты должен считать само собой разумеющимся, что я уверен в этом, иначе я бы этого не говорил. Теперь же, если не хочешь сказать мне что-либо более содержательное, сиди спокойно и помалкивай. Понятно?

– Да, ваша светлость... – Вся его воинственность внезапно исчезла. Он снова стал молчаливым и задумчивым, как обычно.

– Ну и отлично, – сказал Джайлс, поворачиваясь к остальным. – Я не собираюсь заставлять вас есть. Я призываю лишь попробовать пересилить себя и поесть, а пока вы этого не делаете, вам придется дважды в день смотреть, как мы с Хэмом едим. Первая трапеза состоится прямо сейчас... Хэм?

Тот поднялся, сходил в кормовую часть шлюпки и принес две чашки с мякотью. Одну он отдал Джайлсу, а сам присел с другой на койку.

Джайлс ел невозмутимо, ничем не выдавая своих чувств, скрывая свое отношение к инженеру и мякоти ягод лозы под маской безразличия, что освоил в первый же год обучения в интернате. Хэму и в самом деле было все равно. Остальные сидели молча, стойко перенося наблюдаемое зрелище – до того самого момента, когда Хэм, доев, стал слизывать остатки мякоти со своих пальцев. Тут сперва Ди, а потом Фрэнко и Грос резко побледнели и заспешили к «туалету».

Почти такая же сцена повторилась шесть часов спустя, а затем еще трижды, прежде чем Мара и Бисет набрали себе в чашки не более столовой ложки мякоти ягод и проглотили ее. Еще два приема пищи спустя ели все, включая и Ди.

К этому времени Ди и Фрэнко вернулись в ложную уединенность в кормовой части, достав из-под пола другую койку вместо использованной капитаном в качестве ширмы. Все прочие остались в центральной секции, за исключением Хэма, который перенес свою койку поближе к носовой части, туда, где одиноко стояла койка Джайлса.

Довольно странно, что этот не уважаемый никем амбал смог совершить что-то по своей инициативе, но Джайлс не стал расспрашивать подробнее. Такие трудяги, как Хэм, обычно становились замкнутыми и косноязычными, когда их о чем-либо спрашивали, из боязни сказать в ответ что-то не то. После того как все люди приспособились наконец к условиям на спасательной шлюпке и снова правильно питались, жизнь потекла вполне гладко. Но Джайлс регулярно обдумывал ситуацию. Обычно он как-нибудь вознаграждал трудяг за хорошее поведение, усиливая этим положительный эффект. Но какие стимулы можно предложить здесь, на шлюпке?

Наконец он придумал возможность для этого. Надо переговорить с капитаном, и в ходе беседы наверняка представится возможность поговорить об особом снисхождении. Он выждал, чтобы прошло несколько корабельных дней после смерти инженера, прежде чем направиться для разговора к оставшемуся альбенаретцу. Выбрав время, когда все трудяги были либо в средней, либо в кормовой части спасательной шлюпки, он подошел к перегородке, за которой капитан после смерти инженера пребывала в изоляции почти все время. Стоя за перегородкой, он сказал на альбенаретском:

– Капитан, я хочу с вами поговорить.

Последовала секундная пауза, затем голос чужака ответил:

– Подходите.

Джайлс обошел перегородку и повернулся лицом к капитану, сидевшей в кресле перед пультом управления. Не вставая, она развернула кресло к нему.

– Капитан, может быть, теперь вы уже скажете мне, через какое время эта спасательная шлюпка куда-то приземлится?

– Мы достигнем Белбена чуть менее чем за сто восемь корабельных суток.

– Понятно, – сказал Джайлс. – Это очень долго!

– Столько времени для этого требуется, – сказала она. Джайлс не был способен на слух различать альбенаретские интонации и не заметил никаких изменений в том, как она сидела

или говорила, но все же что-то создало у него впечатление, что она дистанцировалась не только от него, но и от спасательной шлюпки со всеми на борту.

– Разве нет более подходящего места назначения для полета шлюпки?

– Других мест назначения нет.

– Прошу капитана проявить терпение и выслушать. – У Джайлса возникло ощущение, что он идет по странному полю, усеянному минами и ловушками, причем такими, что он не мог их не только увидеть, но и даже вообразить. То, что ему предстояло сказать, опасно вторгалось в периметр эмоционального восприятия этих чужаков, их чести. – По нашим картографическим данным этой части космоса, на планете 20В-40 есть земная колония, специализирующаяся на добыче полезных ископаемых, и альбенаретский космопорт. Я из любопытства изучил карты перед тем, как отправиться в это путешествие. У меня, правда, нет опыта навигации, кроме пилотирования моей личной яхты в пределах Солнечной системы, но если я не ошибаюсь, в данный момент 20В-40 вдвое ближе к нам, чем Белбен.

– Возможно, – сказала капитан. – Но наш порт назначения – Белбен.

– Почему, если 20В-40 ближе?

– Нашим портом назначения был Белбен. Мой звездолет уничтожен, но моя честь может быть спасена, если я доставлю оставшихся пассажиров на Белбен, как было обещано.

– Но какая честь в том, чтобы доставить их в порт назначения мертвыми? Сто восемь дней – слишком большой срок, чтобы мои люди смогли выжить в таких условиях.

– Выжить? Ах да, я забыла, что вы, люди, не знаете Врат и Пути к ним и шарахаетесь в испуге при мысли о Переходе. Но выжить – это уже ваше дело. Мой долг – доставить вас, а живыми или мертвыми – для меня значения не имеет.

– А для меня имеет, – сказал Джайлс. – Я отвечаю за выживание моих соплеменников. Прошу вас доставить нас вместо Белбена на 20В-40.

– Нет, – ответила капитан и закрыла глаза, словно очень устала. – Я не могу позволить себе еще сильнее отклониться от пути.

– Капитан, – медленно начал Джайлс. – Я из дома и клана *Стальных*, этот клан обладает огромным богатством, частью которого распоряжаюсь я лично. Даю вам обещание, что если вы измените курс и доставите нас на 20В-40 – а обещание магната почти то же самое, что подписанный контракт, – либо заплатите вам столько, чтобы вы могли построить другой звездолет, такой же, как тот, что вы потеряли, либо заплатите вашей расе, чтобы его построили ваши соплеменники, а затем предоставили вам. Так что вы ничего не теряете.

Капитан открыла глаза и секунду смотрела на Джайлса.

– Но я теряю. Вам, чужакам, этого не понять. Вся моя команда, все мои офицеры, а теперь и инженер, ушли, заслужив смерть при разрушении моего звездолета. Сам звездолет – просто вещь, которая ничего не значит. Это всего лишь будет мне приятно, но станет оскорблением памяти всей моей команды, которая прошла через Врата, и мне не сделает чести, если я приму то, что не смогу разделить с ними.

Она замолчала. Джайлс стоял неподвижно, глядя на нее сверху вниз, на мгновение потеряв всякую надежду. По сути, он предложил нищему целое состояние, и в голове у него не укладывалось, как такое, величайшая цена из возможных, может быть отвергнуто.

– Вы совершенно правы, капитан, – медленно сказал он. – Я не понимаю. Но очень хотел бы понять. Возможно, если я пойму, мы сможем найти и другие пути взаимопонимания. Не объясните ли мне это так, чтобы я понял?

– Нет, – сказала она, – я не обязана обеспечить ваше понимание, и вы не обязаны понимать.

– Не могу согласиться. Я уже давно искренне верю, что человечество и альбенаретцев связывают не только торговые отношения и космические путешествия. У нас есть не только

обязанность, но и реальная необходимость понимать друг друга, как в качестве самостоятельных личностей, так и в качестве представителей соответствующих рас.

– Ваше мнение не имеет значения. То, во что вы верите, не относится к области возможного. Вы не альбенаретец, не принадлежите к избранному народу. Поэтому никогда не сможете понять Путь, какие бы усилия я или кто другой для этого ни предпринимали.

– Я считаю, что сказанное вами сейчас – неправда. Это лишь ваше мнение, и это мнение ошибочное, в отличие от моего. Но я прошу лишь, чтобы вы попробовали.

– Нет. Пытаться – значит тратить силы. Их у меня мало, и я не желаю тратить их попусту.

– Не попусту. Это жизненно необходимо для вас и вашей чести. Это жизненно необходимо для меня и моей чести. Это жизненно необходимо для моих трудяг. Это жизненно необходимо для вашей и моей расы, которые могут обе погибнуть, если не достигнут взаимопонимания.

Капитан снова закрыла глаза.

– Этот вопрос больше не обсуждается. Вы хотели поговорить со мной еще о чем-то?

Джайлс открыл было рот, но тут же снова закрыл его.

– На шлюпке лозы жизнеобеспечения значительно больше, чем нужно для такой маленькой группы, какая на ней сейчас. Когда инженер умирал, свет был ослаблен до менее яркого. Для моих людей будет большим облегчением, если свет включать регулярно хотя бы ненадолго. Несомненно, лоза при этом сможет обеспечить нас питанием в достаточно количестве.

– Этот свет должен оставаться постоянным, – сказала капитан, не открывая глаз. – Все должно оставаться неизменным, пока мы не достигнем порта назначения. Магнат, я уже устала от разговора с вами и хочу побыть одна.

– Хорошо. Мне больше и нечего с вами обсуждать – по крайней мере сейчас.

Джайлс вернулся к своей койке и сел на нее, обдумывая разговор. Необходимо найти способ заставить капитана изменить порт назначения на колонию в ближайшем мире. Внезапно он осознал, что Хэм сидит на своей койке и молча наблюдает за происходящим.

– Не сиди здесь просто так! – раздраженно сказал Джайлс, выведенный из себя молчаливым взглядом амбала. – Займись хоть чем-то! Возвращайся к другим и поговори с кем-нибудь, слышишь? Если ты будешь сторониться людей, они так и не примут тебя в свою компанию.

Не сказав ни слова, тот встал и ушел в среднюю часть шлюпки, где сейчас были почти все остальные.

– А вы не уходите! – сказал Джайлс, повышая голос. – Хэм – один из нас, и я требую, чтобы вы относились к нему, как к равному! Запомните это!

Разумеется, он понимал, что просто вымещает на них свою злость из-за неудачи с капитаном, зная, что они ни в чем не будут ему противоречить. Он постарался приглушить эту мысль, растянулся на койке и прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть немеркнувшего света ламп. Может быть, если «переспать» с этой проблемой, удастся придумать, как убедить капитана.

Проснулся Джайлс от какого-то шума. Из-за перегородки не доносилось никаких голосов трудяг, но он был уверен: что-то его разбудило. Он прислушался, но все, что мог расслышать – едва слышный звук, словно кто-то с трудом дышит.

Он тихо сел на койке и опустил ноги на пол. С этого места он мог видеть через щель между панелями койки в средней части шлюпки. Каждая из них была занята спящим, но от них не доносилось ни звука, как ни звука не слышалось и из кормовой части шлюпки, где спали Фрэнко и Ди.

Озадаченный, Джайлс прислушался повнимательнее. Постепенно ему удалось определить направление. Звук раздавался совсем рядом, и источник его располагался через проход от него – там, где стояла единственная, кроме его собственной, койка в носовой части шлюпки.

На ней спал Хэм, его кулаки были прижаты к лицу, тело свернулось калачиком на длинной, но узкой койке. Спит ли амбал на самом деле? Джайлс тихо поднялся и подошел к изголовью койки Хэма.

Огромный трудяга молча плакал. Могучие кулаки закрывали лицо, и каким-то образом он смог достаточно сильно оттянуть ткань, покрывавшую койку, и засунуть в рот, чтобы приглушить издаваемые звуки. Он лежал на боку, заткнув рот тканью, закрыв лицо кулаками, и слезы текли из-под его плотно сжатых век.

Джайлс нахмурился.

– Хэм, – тихо позвал он.

Амбал не отреагировал.

– Хэм, – повторил Джайлс, не громче, но с большей настойчивостью. Хэм открыл глаза и уставился на Джайлса с выражением то ли удивления, то ли паники.

– Хэм, что случилось?

Хэм затряс головой, так что слезы растеклись по щекам. Джайлс в недоумении сел рядом с койкой трудяги, так что его губы оказались возле уха Хэма, чтобы можно было говорить очень тихо.

– Ладно, Хэм, расскажи мне, что случилось?

Тот снова затряс головой.

– Ну же, – мягко, но настойчиво требовал Джайлс. – Что-то тебя беспокоит. Что?

Хэм постарался подавить рыдания и наконец убрал изо рта ткань ровно на такое время, чтобы почти неслышно выдохнуть:

– Ничего.

– Не может быть «ничего». Посмотри на себя. И скажи мне, что тебя расстроило? Или кто? Ответь.

– Мне плохо, – прошептал Хэм.

– Плохо? Отчего? Заболел?

Но Хэм снова зажал во рту ткань и ничего не отвечал.

– Хэм, – мягко сказал Джайлс, – когда я задаю тебе вопрос, ты должен отвечать. Что у тебя болит? Живот?

Хэм закрутил головой.

– Что же? Рука или нога? Голова?

Хэм, трясая головой, отверг все эти предположения.

– Так отчего тебе плохо? Что-то болит? – Хэм снова затряс головой. Потом закрыл глаза и кивнул. Слезы полились у него из глаз.

– Тогда что же?

Хэм вздрогнул. Не открывая глаз, он убрал ткань изо рта и произнес:

– Да.

– Что «да»? Что именно болит? Голова, руки, ноги? Что же?

Хэм только молча покрутил головой. Джайлс сдержал свой гнев, стремившийся вырваться наружу. Хэм не виноват, что не умеет высказать свои эмоции. Найти слова, чтобы сформулировать, что не так с амбалом, должен не трудяга, имеющий весьма ограниченный лексикон, а магнат, пытающийся с ним объясниться.

– Скажи, Хэм, если можешь, когда тебе стало плохо? Сразу после того, как мы оказались в шлюпке? Несколько часов назад? Или уже было плохо на большом звездолете?

Наконец, отдельными словами и бессвязными обрывками фраз, дело сдвинулось. К Хэму, похоже, вовсе не относилось то, о чем Мара говорила, что все трудяги стремятся к этому. Меньше всего на свете он хотел оказаться в каком-то далеком мире. Причина этого, как выяснил Джайлс, крылась в условиях жизни Хэма на Земле, в его статусе и цели существования – о которых Джайлс знал всю свою жизнь, но до сего момента несколько не ценил.

Чернорабочие, исключительно мужчины, специально подготовленные для выполнения задач, связанных с тяжелой физической нагрузкой, были особой подкастой трудяг, заметно отличающейся от всех остальных. Чтобы удержать от проявлений недовольства простыми, часто повторяющимися задачами, их генетически удерживали на низком уровне интеллекта и наделяли теми качествами, которые усиливали покорность и зависимость от руководителей. Формально для них не было никаких дополнительных ограничений по сравнению с другими трудягами. Иногда кто-то из них переселялся из рабочего барака ради заведения семьи с какой-либо женщиной-трудягой, но такое скорее было необычным.

Несмотря на свою огромную силу, они были чрезвычайно робки и стеснительны. Большинство из них коротало свой недолгий век – по некоторым причинам они были значительно сильнее уязвимы для болезней, особенно пневмонии, и мало кто из них жил дольше тридцати пяти, – почти исключительно среди товарищей по работе.

Хэм ничем особым от большинства не отличался. Бараки были всем его миром, а друг-собутыльник Джейс – неким подобием семьи. Зачатый, в сущности, в пробирке, выращенный в яслях для наименее интеллектуальных детей вроде него и закончивший в тринадцать лет обучение в трудовых бараках, Хэм психологически нисколько не был готов к резкому отрыву от привычного образа жизни и полету бог знает куда в компании более образованных трудяг, избегающих общения с ним. Он лишился всего, с чем был знаком. Никогда ему не вернуться в барак, полный старых друзей. Никогда не участвовать в дружеской попойке и не менее дружественных потасовках, шутках и розыгрышах или радоваться работе в компании своих товарищей. А главное, он никогда больше не увидит Джейса.

Не сразу Джайлс научился разбирать бессвязный и прерывистый шепот здоровяка. Услышанное открыло ему глаза на ошибочность многих успокаивающих представлений об этом низшем классе трудяг, которые он сам разделял вместе со многими, не задумываясь над тем, чтобы изучить их получше. Люди типа Хэма считались неисправимо жизнерадостными в силу своего невежества, безусловно храбрыми, ибо из-за ограниченности ума не знали, что такое страх, и совершенно бескорыстными, поскольку собственные размеры и сила делали их равнодушными к мнению более слабых, но более умных людей.

Как теперь понял Джайлс, все это было неправдой. Но не это открытие его озадачило. Хэма грызло нечто большее, чем просто разница между его истинной природой и представлениями окружающих. Мягкие, но настойчивые вопросы с ответами в той же отрывочной манере, в какой Хэм высказывался обо всем остальном, вскрыли для него более глубокую проблему.

Важнейшим существом для Хэма был его напарник по работе Джейс. Носили ли их отношения сексуальный оттенок – едва ли можно было понять по описаниям в характерной для Хэма детской манере. Важно, что никто больше Хэма не любил – ни мать, ни отец, ни брат, ни подруга. Только Джейс. И Хэм отвечал ему тем же. Вот уже двенадцать лет они жили в одной казарме и были приятелями по пиву, что по сути означало, что после работы они всегда выпивали вместе.

Но внезапно Хэма забрали и отправили в какую-то непонятную колонию на далекой планете, где он вряд ли встретит человека своего круга, с которым можно будет поговорить. Он не мог даже написать Джейсу – не потому что был неграмотен, а просто изложение чего-либо, помимо бесчувственных голых фактов, требовало от Хэма чрезмерных творческих усилий.

И вот, переживая эту потерю, он все глубже погружался в отчаяние, чего не замечал никто из его так называемых коллег. Объяснить другим свою эмоциональную проблему он не мог. У него не было слов для обозначения новой терзавшей его боли; он даже не связал ее сознательно с настоящей причиной – но Джайлсу удалось, понемногу вытягивая из него нужную информацию, прийти к пониманию того, в чем Хэм не мог признаться даже самому себе.

Хэм, лишенный Джейса, нуждался в том, чтобы к кому-нибудь привязаться. Бессознательно он выбрал для этого Джайлса, единственного среди окружавших его чужаков и более образованных трудяг, кто имел такой же рост, силу и другие качества, которыми обладали прежние друзья Хэма.

Реакция здоровяка-работяги не так уж и удивительна, подумал Джайлс. Они с Хэмом находились на противоположных концах социальной лестницы, но безжалостная рука норм поведения и правомочий подхватила их, пока они были еще слишком молоды, чтобы понимать происходящее, и придала обоим направление той жизни, которую они будут вести. «Оба одинаково прокляты, – подумал Джайлс, – но нет, Хэм даже в лучшем положении. У него оставалась свобода любить – пусть даже кого-то из сотоварищей». У Джайлса тоже была тесная дружба с Полом Окэ, возможно, теснее, чем с кем-либо еще, но при этом нельзя сказать, что они были «друзьями» даже в упрощенном смысле этого слова, как понимают его в бараках Хэма.

Что же касается девушек... женщин, то внезапно Джайлс осознал, что ни в одном из кратковременных увлечений не дал другой стороне ничего особенно памятного, да и сам не получил. Впервые он понял, что его никто не любил, и сам он не любил ни одного человека. Его родители еще живы, но отдалены от него нормами поведения и возрастом. Братья и сестры если бы у него и были, все воспитывались бы отдельно от него и стали бы добродушными незнакомцами. Он не страдал от отсутствия привязанностей, которые для Хэма были среди основных составляющих жизни, но всего лишь признавал возможность их существования. Любовь для него была долгом, а долг – любовью. Далее долга его эмоциональная сфера не простиралась, и не похоже было, что когда-нибудь станет иначе.

Его мысли снова вернулись к Хэму. Тот, сам не сознавая, сжал руку Джайлса в своем огромном кулаке и плакал над ней в безмолвном отчаянии. Ему никогда не удастся осознать, понял Джайлс, почему он страдает. Пожалуй, самым удачным в привязанности Хэма к Джайлсу было то, что хотя амбал ее и испытывал, но был совершенно неспособен признать это. Даже сама мысль о том, чтобы стать другом магната в любом доступном ему смысле, была настолько несовместима с его представлениями о жизни, что сознание милосердно не допускало ее. Единственное, что могло прийти ему в голову – это отчаянное желание сделать что-нибудь для Джайлса, что-то значительное и опасное, вплоть до того, чтобы отдать за него свою жизнь. Об этом он и пытался сообщить Джайлсу отрывочными фразами.

– Хорошо, – сказал Джайлс. – Хорошо, Хэм. Я понял это. Не беспокойся. Как только ты мне понадобишься, я тебя немедленно позову.

– Вы сделаете это? – спросил Хэм.

– Конечно, – ответил Джайлс. – Пусть тебя это не беспокоит. Все будет хорошо.

– В самом деле? – Хэм по-прежнему плакал, но теперь уже от благодарности и облегчения – сам он не смог бы этого сформулировать, как не мог раньше объяснить причину своего горя. Плакал, вцепившись в руку Джайлса.

Джайлс терпеливо посидел с ним немного, пока тот не уснул. Затем, осторожно освободив руку, встал и потянулся, разминая затекшие мышцы. От долгого сидения на полу ноги свело. Он сделал мысленную пометку выяснить, когда они сядут на планету, есть ли в этом мире другие чернорабочие. Скорее всего, невозможно вернуть Хэма обратно на Землю, но наверняка можно устроить, чтобы он попал на работу в такое место, где найдет товарищей своего же круга – если подобное место вообще существует в колониальном мире.

Джайлс снова улегся на свою койку и закрыл глаза. Должен же быть какой-то способ убедить капитана изменить курс спасательной шлюпки на 20В-40. Теперь он знал, что Всемирная полиция тоже считает, что Пол находится где-то в колониях, а значит, они могли отправить туда кого-то охотиться за ним. Но Джайлс никак не ожидал, что чужак-пилот, управляющий

спасательной шлюпкой, кем бы он ни был, будет так упрямо придерживаться курса к исходному месту назначения корабля.

Почему? – вот в чем вопрос. Почему капитан так непреклонна в своем отказе поступить разумно и направиться к ближайшей планете с космопортом? Может быть, если он сможет разобраться, чем она руководствуется...

7

Двое корабельных суток спустя Джайлс все еще не нашел ответа на свой вопрос, не придумал решения проблемы, как направить спасательную шлюпку к 20В-40. Но, видно, не судьба была ему подумать об этом спокойно. Едва он сел на свою койку со звуковым аппаратом Эстевена, чтобы надиктовать события предыдущего дня, за ближайшей перегородкой, окружавшей койки в средней части корабля, раздался бурный шум. Крики, вопли, звук падения тела.

Он сунул звуковой аппарат в карман и выбежал в среднюю часть шлюпки, раздвинув панели, примерно с той же поспешностью, как когда кричала Ди после смерти инженера. Там Грос прижал Эстевена к стене шлюпки и пытался выбить из него дух. Грос был минимум лет на десять старше Эстевена, а кроме того, ниже ростом, легче и явно не имел представления, как надо драться, кроме общей идеи, что нужно сжать кулаки и махать ими, пытаясь попасть в другого человека. Но ярость компенсировала все эти недостатки. Эстевен, прижатый спиной к стене между двумя койками, не мог сбежать от обезумевшего компьютерщика, и не вызывало сомнений, что если его не спасти, то Грос рано или поздно сможет нанести ему серьезный вред.

Джайлс перемахнул через две койки, отделявшие его от них, и схватил Гросса за воротник и за складку комбинезона у пояса.

– Остановись! – рявкнул он, отодвигая компьютерщика от Эстевена, уже привалившегося к стене. – Успокойся, Грос. Нет, нет, не пытайся ударить меня, веди себя спокойно. А ты, Эстевен, сядь вон на ту койку и расскажи, что случилось.

– Он, он... – Эстевен почти всхлипывал. Неестественный румянец, который Джайлс уже замечал однажды, снова появился на его щеке, а палец, которым он указывал на Гросса, дрожал. – У него есть всё для развлечений. И компьютер у него есть, и книга... Я хотел лишь взять из нее пару страниц, чтобы записать музыку, которую сочинил...

– Всего лишь!.. – возмущенно выкрикнул Грос. – Всего лишь пару страниц?! Целая куча листов вырвана из книги моего предка по пропозициональному исчислению! Я в свободное время потихоньку продираюсь через этот сложный текст, но сама книга – она бесценна! Ей более двухсот двадцати пяти лет! Я не могу позволить вырывать страницы из древнего наследия нашей семьи, чтобы он нацарапал какую-то доморощенную мелодийку! Да и зачем ему вообще сочинять музыку? Все знают, что теперь музыку уже никто не пишет...

– Грос! – сказал Джайлс. Тот замолк.

– Он думает... – начал Эстевен.

– И ты тоже, – сказал Джайлс. – Успокойся, Грос. Покажи-ка мне книгу.

Бросив на Эстевена свирепый взгляд, Грос сунул руку в карман комбинезона и достал томик в коричневой обложке, маленький, уместающийся на ладони. Открыв его, Джайлс увидел, что на маленьких страницах действительно много пустого места между диаграммами и возле них.

– Это и в самом деле какой-то учебник по математике, – сказал он. – Говоришь, пропозициональное исчисление?

– Именно так, ваша светлость, – уже менее резко ответил Грос. – Мой дед купил ее еще до Зеленой Революции. Семейная реликвия – вещь еще с тех времен, когда компьютеры занимали целые этажи зданий.

– Этой книге двести двадцать пять лет? Нельзя винить тебя в том, что ты не позволяешь повреждать ее.

Он вдруг нахмурился и, зажав уголок страницы большим и средним пальцами, потер его.

– В очень хорошем состоянии для такой старой книги, – сказал он. – Как...

– Ее пластифицировали, – гордо ответил Грос. – Все исходные материалы заменили на мономолекулы. Моему отцу это обошлось в месячный заработок, но зато за прошедшие пятьдесят четыре года нисколько не затерлась.

– Пластик? – странным голосом спросил Эстевен и уставился на книгу в руках Джайлса.

– Именно так, Эстевен, – сказал Джайлс. – Грос не обманывает. И что с того?

– Ну... ничего, – сказал тот, все еще не отрывая взгляда от книги. – Только... пожалуй, если это пластик, мое стило не будет на нем писать. Эти листы мне не подходят.

– Какого же черта ты не догадался спросить об этом, прежде чем пытаться украсть мою книгу?! – возмутился Грос.

– Ну я же сперва попросил тебя...

– И я сказал тебе «нет»! Неужели я должен давать объяснения, почему нельзя рвать книгу, доставшуюся мне по наследству?

– Несколько мудрее было бы все же объяснить ему это, – сухо заметил Джайлс, возвращая книгу. – Вот. Отныне постарайся хранить ее понадежнее, чтобы никто не попытался вырвать страницы.

Он направился в переднюю часть корабля, к своей койке. За его спиной включился звуковой аппарат, и послышались знакомые три аккорда Боссера, подкрепляющие задумчивое хриплое пение Сингха.

Сев на койку, он обнаружил, что Мара последовала за ним и встала теперь рядом.

– Да? – сказал Джайлс, подняв на нее взгляд.

– Можно вам кое-что показать? – спросила она с очень серьезным видом.

– В чем дело?

– Если вы пойдете со мной...

Из средней части донесся новый взрыв голосов, и Боссер с Сингхом вдруг сменились пронзительно-завывающей мелодией сольного инструмента.

Вбежав в огражденное пространство, Джайлс увидел, что Грос пытается вырвать звуковой аппарат из рук Эстевена.

– Чтоб я больше не слышал ничего подобного! – кричал Грос. – Верни нам Боссера и Сингха, было же здорово!

– Минутку, минутку, – умолял Эстевен. – Послушай немного этот спайни...

– Какой, к дьяволу, спайни? – ревел Грос. – Это дерьмовый кайлин, ненавижу музыку в стиле кайлин!

– Сэр! – воззвал к Джайлсу Эстевен. – Вы же разбираетесь в музыке, ваша светлость? У вас же высшее образование. Вы ведь можете определить разницу? – Дрожавшие пальцы Эстевена постукивали в такт этой музыке.

– Верно, это спайни, – сказал Джайлс. – Но у меня нет каких-либо музыкальных пристрастий. Боссер и Сингх устраивают меня в той же мере, что и все остальное.

Он уже было повернулся, чтобы выйти, как Эстевен умоляюще поднял руку, и Джайлс из смутного чувства жалости к нему согласился его выслушать.

– Я не сомневался, сэр, что вы разбираетесь в музыке. Вы ее понимаете. А знаете, кто исполняет здесь соло? Да, именно я. Это моя работа – аранжировка и исполнение таких фрагментов. Конечно, я могу задать программу для инструментов и получить прекрасное звучание из синтезатора. Но сейчас осталось мало таких, как я, кто знает и понимает свои инструменты... И я всегда чувствую, кто больше вкладывает в запись, особенно если есть одна-две подобные партии... то есть когда играет живой музыкант...

Соло внезапно оборвалось – Грос дотянулся-таки до кнопки. Вернулась мелодия Боссера и пение Сингха. Эстебен открыл было рот, чтобы протестовать, но затем молча закрыл его.

– Грос, – сказал Джайлс. Тот посмотрел на него снизу вверх. – Это звуковой аппарат Эстебена, а не твой. Как и книга твоего деда – твоя, а не его. Если тебе не нравится, какую музыку он ставит, приходи ко мне и скажи. Я не хочу, чтобы ты снова прикасался к звуковому аппарату.

– Хорошо, сэр, – пробормотал Грос, уставившись на свою койку.

– А ты, – сказал Джайлс Эстебену, – включай полчаса то, что хотят они, а полчаса – все, что тебе заблагорассудится.

– Хорошо, ваша светлость. – От выражения собачьей преданности в его глазах почти тошнило. Джайлс повернулся к Маре, стоявшей за его спиной:

– Ладно, так что мне надо увидеть?

– Пойдемте со мной, – сказала она.

Она повела его в кормовую часть, где сейчас никого не было. Там она подошла ближе к стене, заросшей лозой, какое-то время рылась среди листьев, затем подняла один из стеблей растения и указала на него пальцем:

– Посмотрите-ка на эту ягоду.

Он подошел ближе и пригляделся. Сначала не заметил ничего, что отличало бы ее от других ягод, какие он видел и ел. Но затем, прикрыв глаза от слепящего света вечно сияющих огней над головой, он различил что-то под поверхностью ягоды, какие-то темные пятна прямо под кожей.

– Мне попадались еще несколько таких ягод, – тихо сказала Мара ему на ухо. – Но ни на одной не было столько пятен, как на этой. Найдя эту, я внимательнее осмотрела лозу и нашла с дюжину ягод, у которых по два-три таких пятна.

– Можешь показать мне другие?

Она кивнула и повела его дальше вдоль лозы. После недолгих поисков показала ему несколько ягод с такими же пятнами, хотя и в меньшем количестве, чем на первой.

Джайлс принялся сам осматривать лозу. Внешне она выглядела вполне нормальной, но вскоре он нашел почерневший и свернувшийся лист. Он задумчиво сорвал его и продолжил поиски таких же. Найдя и сорвав четыре таких листа, он вернулся к первой показанной Марой ягоде.

– Я отнесу это капитану, – сказал он, одобрительно глядя на нее сверху вниз. – Ты мудро поступила, что пока что не рассказала никому, кроме меня.

Она ответила слабой, чуть заметной улыбкой.

– Даже у трудяг есть здравый смысл, ваша светлость.

Он не смог определить, была ли в этом какая-то насмешка.

– Конечно, я сообщу тебе, что узнаю от капитана. Я ценю то, что ты пришла и рассказала мне. Держи пока при себе и никому ничего не рассказывай.

– Конечно.

Он направился в носовую часть шлюпки, пряча в ладонях листья и ягоды, пока шел через среднюю секцию. В нем зашевелилось смутное беспокойство. Конечно, даже самая надежная и простая система не может функционировать вечно. Когда шлюпка не использовалась, растение продолжало жить, и для этого его питательный бак регулярно пополнялся. Эта система не идеальная, но, насколько он знал, способна прокормить полный набор пассажиров на такой шлюпке по меньшей мере в течение полугода. А сейчас на борту всего несколько человек. Он шагнул за перегородку, отгораживающую капитана.

Та по-прежнему сидела, закрыв глаза.

– Райумунг, – обратился к ней Джайлс. – Мне нужно с вами поговорить.

Она не ответила, даже не открыла глаза. Он подошел ближе, к самому подлокотнику ее командирского кресла. Оказавшись глубоко за экраном, закрывавшим ее, он обратился снова, не громче, но почти в крошечное темное отверстие уха чужака.

– Капитан. Капитан Райумунг!

Она пошевелилась. Затем открыла глаза и повернула к нему голову.

– Да?

– Позвольте отвлечь вас на минуту, – сказал он. – Дело касается лозы жизнеобеспечения.

– С лозой жизнеобеспечения не надо ничего делать. Просто употребляйте ягоды, как указано.

– Капитан, не изменяет ли вам память? Вы не давали нам указаний, как пользоваться лозой жизнеобеспечения. Я сам проинструктировал людей, как ею пользоваться, на основе своих знаний.

– Эти сведения вполне доступны. Действуйте в соответствии с ними. – Глаза на темном морщинистом лице снова закрылись.

– Повторяю, – сказал Джайлс громче. – Мне требуется ваше внимание. С лозой что-то не в порядке.

– Не в порядке? – Глаза открылись.

– Может, капитан сама посмотрит на эту ягоду? – Джайлс протянул ту ягоду, которую Мара показала ему сначала. Три темных пальца инопланетянина взяли ее в свой тройственный захват. Капитан мгновение подержала ее перед лицом, затем вернула Джайлсу.

– Не ешьте этого. Утилизируйте.

– Но почему? Что с ними не так?

– Вы можете заболеть. Возможно, даже умрете. Не ешьте такие ягоды.

– Мне не требовалось ваше предупреждение. Я хочу знать, что с ними не так.

– Они небезопасны.

– Это тоже было очевидно. – Джайлс ранее уже совершил ошибку, дав волю гневу, и теперь не желал повторять это. Его голос, произносящий слова на жужжащем альбенаретском, имел ледяной тон и был таким же сдержанным, как и голос капитана. – Теперь посмотрите на эти листья.

Он протянул капитану четыре скрученных и потемневших листка. Та взяла их, тоже недолго подержала перед лицом и вернула.

– Листья умерли.

– Это я вижу. И хочу знать, почему. Почему умерли листья и почему небезопасны ягоды. Что случилось с растением?

– Понятия не имею. – Голос капитана звучал отстраненно, почти равнодушно. – Я пилот, а не биотехник. Специалистов, способных в этом разобраться, здесь нет.

– Вы можете провести какую-нибудь проверку? Возможно, что-то не так с питательным раствором в конверторе? Каким способом можно выявить, в чем дело?

– Для этого на шлюпке нет нужных приборов.

– Я вижу, на этой шлюпке вообще мало что есть, – мрачно заметил Джайлс. – Как и все ваши корабли, капитан, она разваливается от старости и отсутствия должного ухода.

Он надеялся вывести капитана из странного состояния апатии и привести ее в ярость. Но этого не удалось.

– Вы не понимаете, – сказала она тем же отстраненным тоном. – Корабли умирают. Альбенаретцы тоже умирают. Но не так, как низшие расы. Никто из нас не желает бессильно свернуться и распасться в атмосферном супе, чтобы затем уйти в почву или даже во что-то более неопределенное, из чего мы вышли. Мы предпочитаем гордо идти навстречу смерти, проходя один поворот Пути за другим, пока вся наша раса не перестанет существовать. Вам, чужакам,

не понять. Никогда. Лоза жизнеобеспечения на этой шлюпке тоже умирает – неважно почему. Поскольку вы от нее зависите, то и вы умрете. Таковы законы природы.

– А как же ваша ответственность за пассажиров?

– Об этом вам уже было сказано. Моя обязанность – доставить их, и не важно, живы они или мертвы.

– Я в это не верю. Когда возле Земли вы взяли нас на борт вместе с остальными пассажирами-людьми, вам не было безразлично, достигнут они цели живыми или мертвыми.

– Это было до того, как кто-то из вас уничтожил мой звездолет, и все альбенаретцы на его борту лишились чести. Если действия самих людей запускают цепочку событий, ведущих к их смерти, – при чем тут я?

– Я не согласен с вами, – заявил Джайлс, – и, что касается меня, я все равно отвечаю за жизнь людей на борту этой шлюпки. Хотя вы и считаете, что ваши действия имеют оправдание, предупреждаю, что ни я, ни кто-либо другой из людей не простит их, и при этом вашей расе необходимы металлы и энергия, которыми мы вам платим, чтобы ваши корабли могли летать еще пять тысяч лет – или сколько понадобится, чтобы вы все умерли должным образом.

– Не стану с вами спорить. Все, что произойдет после вашего прибытия на Белбен, живых или мертвых, будут заботой моих соплеменников. Но уже не моей.

– Но уже не... – Джайлса озарила догадка. – Райумунг, вы сами не предполагаете достичь Белбена живой?

– Верно. Не предполагаю.

Джайлс уставился на темную худую фигуру в капитанском кресле.

– Но почему?

Капитан отвернулась от него, переведя взгляд на один из двух обзорных экранов перед ней, на котором отражалась бездонность космоса, усыпанная огоньками звезд.

– В ягодах лозы жизнеобеспечения нет тех питательных веществ, которые мне сейчас необходимы. Собственно, для меня одной лозы хватило бы, чтобы прожить сколь угодно долго. Но я не одна. Я несу в себе новую жизнь – свободную от перенесенного мною позора и способную продолжить поиски того, кто уничтожил мой корабль. При необходимости новая жизнь станет родоначальником целого рода, который продолжит непрерывные поиски до тех пор, пока не удастся установить истину. Это жизнь нашего корабля, зачатая мною и Мунганфом, но при этом носитель чести всех моих офицеров и членов команды, которые были со мной, пока мой корабль жил. Я умру, но дитя корабля получит от моего тела все необходимое и выживет, чтобы достигнуть Белбена, стать офицером и смыть позор произошедшего.

Она замолчала. Джайлс долгое время не находил слов. Внезапно в его голове все встало на свои места – он понял, что эластичные повязки на скафандре инженера предназначались не для того, чтобы спасти ему жизнь в случае утечки воздуха, а защищали от декомпрессии репродуктивную часть его тела. Понял, что увидела Ди, когда забрела к капитану и умирающему инженеру, и почему на койке появилась альбенаретская кровь.

– Но вы могли бы выжить, если бы не сделали... этого. Почему бы вам самой не смыть позор?

– Я обещана настолько, что не могу рассчитывать на помощь кого-либо, кроме членов моей команды, а они все погибли. А новая жизнь во мне, свободна от позора, и ей без особой причины не смогут отказать в помощи; и помощь будет необходима для поисков того, кто уничтожил звездолет.

Снова повисла пауза.

– Хорошо, – сказал наконец Джайлс. – Как вы и говорите, я не альбенаретец, и признаю, что не все понимаю. Но почему бы вам не изменить курс этой шлюпки на ведущий к 20В-40 и не позволить выжить нам? Даже более того, теперь я официально настаиваю на этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.